

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра уголовного процесса и криминалистики

В.А. ЛАЗАРЕВА

ПРОКУРОР В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

*Рекомендовано Редакционно-издательским советом университета
в качестве учебного пособия*

Самара
Издательство «Самарский университет»
2008

УДК 343.1
ББК 67.99
Л 17

Рецензенты: зам. прокурора Самарской области, старший советник юстиции, канд. юрид. наук А.Ф. Галузин;
д-р юрид. наук, проф. А.А. Тарасов

Лазарева В.А.

Л 17 Прокурор в уголовном процессе: учеб. пособие / В.А. Лазарева; Федеральное агентство по образованию. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2008. – 76 с.

Учебное пособие подготовлено в связи с принятием Государственной думой ФС РФ законов №87-ФЗ от 05.06.07 г., №90-ФЗ от 06.06.07 г. и №214-ФЗ от 24.07.07 г., существенно меняющих не только полномочия, но и роль прокурора в досудебном производстве по уголовному делу. Автор предлагает читателю современный взгляд на прокурора в уголовном судопроизводстве как главу обвинительной власти, формирующую государственное обвинение и отстаивающую его в суде.

Предназначено студентам, изучающим курсы «Уголовно-процессуальное право», «Прокурорский надзор» и специальные дисциплины, а также практикам и всем, интересующимся вопросами современного уголовного процесса.

УДК 343.1
ББК 67.99

© Лазарева В.А., 2008
© Самарский государственный университет, 2008
© Оформление. Издательство «Самарский университет», 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. Прокурор как участник уголовного процесса.	
Функция прокурора и формы ее реализации	6
ГЛАВА 2. Надзор и процессуальное руководство	14
ГЛАВА 3. Характеристика надзорных полномочий прокурора.....	19
ГЛАВА 4. Прокурор в стадии судебного разбирательства.	
Понятие государственного обвинения	32
ГЛАВА 5. Обвинительная речь прокурора	38
ГЛАВА 6. Отказ прокурора от обвинения и его последствия	54
ГЛАВА 7. Прокурор в стадиях пересмотра приговора	61
ГЛАВА 8. Прокурор и особые производства	69
ПРИМЕЧАНИЯ	72

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о процессуальном положении прокурора в уголовном процессе всегда относился к числу дискуссионных. Прокурор – представитель государственной власти, единой федеральной централизованной системы органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации, и его функции не ограничиваются уголовным судопроизводством. В то же время при рассмотрении уголовных дел в судебных заседаниях прокурор во все времена выступал в качестве государственного обвинителя. Это порождало многочисленные научные дискуссии по вопросу о функциях прокурора в уголовном процессе, так как надзор за исполнением законов и обвинение – понятия не тождественные.

Много путаницы в вопрос о процессуальном статусе прокурора всегда вносил и законодатель, определяя роль прокурора в уголовном процессе в зависимости от конструкции уголовного процесса на том или ином отрезке исторического развития.

Законодательство СССР рассматривало прокурорский надзор как высший и всеобъемлющий, распространяющийся и на сферу осуществления правосудия. Поэтому прокурор, участвуя в судебном разбирательстве при рассмотрении уголовных дел, не просто высказывал мнение по обсуждаемым вопросам, но давал свое заключение, а в случае несогласия с судебным актом приносил на него свой протест. Мнение прокурора в уголовном процессе носило доминирующий характер, и суды, формально имеющие право на собственное мнение и самостоятельное решение, как правило, соглашались с его заключением.

Начавшаяся в стране в конце 80-х годов прошлого века судебнo-правовая реформа, обратившись к понятию правового государства, приняла идею разделения властей, вследствие реализации которой в России началось становление независимой судебной власти. Это потребовало пересмотра устоявшихся представлений о взаимоотношении суда и прокуратуры, в том числе и в сфере уголовного судопроизводства. Прокурор не мог более осуществлять надзор за исполнением законов при рассмотрении уголовных дел судом, однако отказ от сложившихся традиций происходил в обстановке жарких дискуссий и споров. Сторонники сохранения прокурорского надзора за судом доказывали, что «надзор за соблюдением законности при рассмотрении дел в судах ни в коей мере не ставит прокурора «над» судом»¹, поскольку прокурор – представитель высшего надзорного органа и обязан отстаивать более широкий, чем защита, круг интересов»². «Отказ от прокурорского надзора в гражданском и уголовном судопроизводстве, превращение прокурора из представителя органа, осуществляющего надзор за исполнением законов, в... одну из сторон судебного

разбирательства уголовных дел несколько не способствует совершенствованию правосудия. Наоборот, это существенно ограничило бы возможности прокуратуры влиять на укрепление законности в судопроизводстве, защищать права граждан»³. В то же время большинство прогрессивно мыслящих ученых (В.М. Савицкий, И.Л. Петрухин, Т.Г. Морщакова, С.А. Шейфер и др.) и в то непростое время отстаивало идею независимости судебной власти от прокуратуры, которая в конечном итоге воплотилась в Концепцию судебной реформы в РФ, одобренную в октябре 1991 года Верховным Советом РФ.

Концепция судебной реформы предложила перераспределить в пользу судебного контроля некоторые надзорные полномочия прокурора в досудебном производстве и создала тем самым основы для судебного контроля над уголовно-процессуальной деятельностью и самого прокурора.

Принятая в результате всенародного обсуждения Конституция РФ (1993), а спустя значительное время и Уголовно-процессуальный кодекс РФ (2001) закрепили состязательность в качестве принципа уголовного судопроизводства и разделили всех его участников на две стороны, поставив таким образом точку в дискуссиях о соотношении функций прокурора и суда. «Функции обвинения, защиты и разрешения дел отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо» (ч. 2 ст. 15 УПК). «Суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения...» (ч. 3 ст. 15). Однако вопрос о статусе прокурора в уголовном процессе не исчерпан.

УПК РФ относит прокурора к участникам уголовного процесса на стороне обвинения наряду с дознавателем, руководителем подразделения дознания, органом дознания, следователем, руководителем следственного органа, потерпевшим, частным обвинителем, гражданским истцом и их представителями. Это означает, что на него возложена функция уголовного преследования (ч. 1 ст. 21: уголовное преследование от имени государства по делам публичного и частно-публичного обвинения осуществляют прокурор, а также следователь, дознаватель), однако ст. 37 УПК РФ гласит, что при производстве по уголовному делу прокурор призван осуществлять от имени государства уголовное преследование, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия. Такая формулировка не может не вызывать вопроса о количестве функций прокурора в уголовном процессе и соотношении уголовного преследования и надзора. И хотя в учебной литературе отмечается, что формулировку ст. 37 УПК РФ «не следует понимать, как то, что уголовное преследование и надзор – две самостоятельные и равнозначные функции (направления деятельности) прокурора в уголовном процессе»⁴, это мнение не является единственным.

Недостатки предварительного следствия, препятствующие эффективному доказыванию обвинения в суде, свидетельствуют о серьезных про-

блемах прокурорского надзора за расследованием, не обеспечивающего его законности. Одной из причин недостаточной эффективности прокурорского надзора за расследованием является сохраняющееся излишне тесное взаимодействие следователя и прокурора в процессе принятия основных решений (о возбуждении уголовного дела, заключении под стражу, производстве обыска в жилище и т.д.), при котором прокурор ответственен за результаты расследования. Попыткой решить эту проблему является Федеральный закон № 87-ФЗ от 05.06.07 г., разграничивающий полномочия по руководству следствием и надзору за ним и ломающий многие привычные стереотипы. Эти изменения вызвали в рядах прокурорских работников неоднозначное к себе отношение, беспокойство и даже растерянность. Достаточны ли оставленные прокурору полномочия для реализации им конституционной функции надзора за исполнением законов при производстве следствия и дознания? Обоснованны ли произведенные в УПК изменения?

Ответ на эти вопросы еще предстоит дать практике, наша же задача состоит в рассмотрении не только проблем участия прокурора в уголовном процессе, но и в определении его статуса как участника уголовного процесса, функции и форм ее реализации в современных условиях.

ГЛАВА 1. ПРОКУРОР КАК УЧАСТНИК УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА. ФУНКЦИЯ ПРОКУРОРА И ФОРМЫ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ

Прокуратура Российской Федерации, согласно ст. 129 Конституции РФ, составляет единую централизованную систему с подчинением нижестоящих прокуроров вышестоящим и Генеральному прокурору РФ. Полномочия, организация и порядок деятельности прокуратуры определяются Федеральным законом «О Прокуратуре РФ» от 17 января ноября 1992 года в редакции от 17 ноября 1995 года с последующими изменениями, включая внесенные законами № 87-ФЗ от 05.06.07 г. и №214-ФЗ от 24.07.07 г. Согласно ст. 1 Закона «О Прокуратуре РФ», прокуратура осуществляет надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением действующих на территории РФ законов, а также иные функции, установленные федеральными законами.

В соответствии с ч. 1 ст. 37 УПК РФ, в ходе уголовного судопроизводства прокурор уполномочен от имени государства осуществлять уголовное преследование, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия. В ходе судебного производства, говорит ч. 4 этой статьи, прокурор поддерживает государственное обвинение, обеспечивая его законность и обоснованность. Такая формулировка вызывает определенные разночтения и требует рассмотрения вопроса о том, какова роль прокурора в уголовном процессе, иными словами, какова его процессуальная функция.

Вопрос о процессуальной функции прокурора всегда относился к ряду дискуссионных, однако прежде, чем отвечать на него, следует взглянуть на перечень прав и обязанностей прокурора в уголовном процессе, совокупность которых вместе с функцией составляет правовой (процессуальный) статус участника уголовного судопроизводства.

Права прокурора на различных стадиях уголовного судопроизводства существенно отличаются.

В ходе досудебного производства по уголовному делу прокурор уполномочен:

1) проверять исполнение требований федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях;

2) выносить мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства;

3) требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе дознания или предварительного следствия;

4) давать дознавателю письменные указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий;

5) давать согласие дознавателю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения;

6) отменять незаконные или необоснованные постановления нижестоящего прокурора, а также незаконные или необоснованные постановления дознавателя в порядке, установленном УПК;

7) рассматривать представленную руководителем следственного органа информацию следователя о несогласии с требованиями прокурора и принимать по ней решение;

8) участвовать в судебных заседаниях при рассмотрении в ходе досудебного производства вопросов об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, о продлении срока содержания под стражей либо об отмене или изменении данной меры пресечения, а также при рассмотрении ходатайств о производстве иных процессуальных действий, которые допускаются на основании судебного решения, и при рассмотрении жалоб в порядке, установленном ст. 125 настоящего Кодекса;

9) разрешать отводы, заявленные дознавателю, а также его самоотводы;

10) отстранять дознавателя от дальнейшего производства расследования, если им допущено нарушение требований УПК;

11) изымать любое уголовное дело у органа дознания и передавать его следователю с обязательным указанием оснований такой передачи;

12) передавать уголовное дело от одного органа предварительного расследования другому в соответствии с правилами, установленными ст. 151 УПК РФ, изымать любое уголовное дело у органа предварительного расследования федерального органа исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной власти) и передавать его следователю Следственного комитета при Прокуратуре Российской Федерации с обязательным указанием оснований такой передачи;

13) утверждать постановление дознавателя о прекращении производства по уголовному делу;

14) утверждать обвинительное заключение или обвинительный акт по уголовному делу;

15) возвращать уголовное дело дознавателю, следователю со своими письменными указаниями о производстве дополнительного расследования, об изменении объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или для пересоставления обвинительного заключения или обвинительного акта и устранения выявленных недостатков;

16) осуществлять иные полномочия, предоставленные прокурору настоящим Кодексом.

В случае несогласия руководителя следственного органа либо следователя с требованиями прокурора об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного следствия, прокурор вправе обратиться с требованием об устранении указанных нарушений к руководителю вышестоящего следственного органа. В случае несогласия руководителя вышестоящего следственного органа с указанными требованиями прокурор вправе обратиться к Председателю Следственного комитета при Прокуратуре Российской Федерации или руководителю следственного органа федерального органа исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной власти). В случае несогласия Председателя Следственного комитета при Прокуратуре Российской Федерации или руководителя следственного органа федерального органа исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной власти) с требованиями прокурора об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного следствия, прокурор вправе обратиться к Генеральному прокурору Российской Федерации, решение которого является окончательным.

В ходе судебного производства по уголовному делу прокурор поддерживает государственное обвинение, для этого он представляет и исследует доказательства, излагает суду свое мнение по существу обвинения и другим возникающим в ходе судебного разбирательства вопросам, высказывает свои предложения о применении уголовного закона и назначении подсудимому наказания. Прокурор вправе предъявить или поддержать предъявленный по уголовному делу гражданский иск, если этого требует охрана прав граждан, общественных или государственных интересов. Пользуясь равны-

ми правами с другими участниками судебного разбирательства, прокурор также вправе во время судебного заседания заявлять ходатайства, отводы, выступать в прениях сторон и предлагать суду письменную формулировку по вопросам, необходимость разрешения которых возникает в ходе судебного разбирательства, в том числе и в приговоре суда.

Прокурор вправе в порядке и по основаниям, которые установлены законом, отказаться от осуществления уголовного преследования. Он может обжаловать судебный приговор или иное судебное решение в апелляционном, кассационном, надзорном порядке, давать заключение о необходимости возобновления производства по делу ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств, участвовать в судебных заседаниях всех судебных инстанций, пользуясь в них правами стороны.

Столь широкий перечень предоставленных прокурору полномочий, позволяющих ему активно участвовать на протяжении всего уголовного судопроизводства, заставляет выдвинуть предположение о его особой роли в уголовном процессе. Однако правильно понять эту роль прокурора можно только на основе анализа назначения самого уголовного судопроизводства и обусловленной им системы принципов.

Взятые во взаимосвязи назначение и принципы уголовного судопроизводства позволяют увидеть его двуединую сущность. Уголовный процесс как система действий органов государства и должностных лиц является механизмом реализации государством своего права на наказание лиц, совершивших преступление. В этих целях уполномоченные должностные лица возбуждают уголовные дела, расследуют преступления, формулируют и обосновывают обвинение. Но осуществляющие такую деятельность органы расследования обязаны защищать не только потерпевших от преступлений, но и тех, на кого пало подозрение, от необоснованного обвинения в совершении преступления, осуждения, ограничения прав и свобод. При производстве по уголовному делу защищаются честь и достоинство личности, ее неприкосновенность, охраняются права и свободы человека и гражданина, обеспечивается неприкосновенность жилища, тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Подозреваемое или обвиняемое в совершении преступления лицо считается невиновным на протяжении всего судопроизводства, пока его вина не будет доказана обвинителем и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Не обязаный доказывать свою невиновность («*ei incumbit probatio, qui dicit, non qui negat*» – «доказывать обязан тот, кто утверждает, а не тот, кто отрицает»), обвиняемый имеет право защищаться от предъявленного ему обвинения, а независимый от сторон суд создает сторонам необходимые – и равные – условия для состязания, оценивая представляемые ими доказательства по внутреннему убеждению и руководствуясь только законом и совестью.

Изложенная система основополагающих правил (принципов) производства по уголовному делу в высшей степени справедлива. Имеющее

право наказать лицо, совершившее преступление, государство обязано не только доказать его виновность, но и предоставить этому лицу адекватные средства защиты от обвинения, а обвиняемый обязан понести справедливое наказание, но лишь при условии, что процедура возложения на него уголовной ответственности обеспечивает ему возможность защищаться всеми не запрещенными законом способами.

Обязанность доказать вину лица в совершении преступления, отнесенного к предмету публичного обвинения (или обязанность доказывания), несут государственные органы уголовного преследования: органы дознания, следствия и прокурор, образующие в уголовном процессе сторону обвинения (ч. 1 ст. 21 УПК РФ), однако формы реализации ими уголовного преследования неодинаковы. Если следователь, дознаватель производят расследование преступлений, в ходе которого обнаруживают и изобличают совершивших эти преступления лиц, то прокурор обеспечивает законность предварительного расследования. В отличие от следователя и дознавателя, прокурор действует как в досудебном, так и в судебном производстве, что позволяет говорить о единстве его роли и назначения в уголовном процессе, то есть функции. Функция прокурора в досудебном производстве обусловлена стоящей перед ним в суде задачей поддержания государственного обвинения. Поддержать государственное обвинение – значит обосновать в суде утверждение о совершении преступления обвиняемым. Но обвинение формируется в стадии предварительного расследования, и надзор за расследованием, по сути, является надзором за выдвиганием и обоснованием обвинения. Он необходим как средство обеспечения самой возможности направить это обвинение в суд и поддержать его в суде.

Как видим, надзор за законностью предварительного расследования с окончанием досудебного производства трансформируется в поддержание прокурором государственного обвинения в суде, то есть в доказывание виновности совершившего преступление лица. Надзор за законностью расследования и поддержание государственного обвинения – звенья единой цепи принадлежащих прокурору, как органу уголовного преследования, полномочий или формы осуществления прокурором уголовного преследования, само же уголовное преследование – функция прокурора в уголовном процессе.

Формулировка ч. 1 ст. 37 УПК РФ, допускающая иное истолкование функции прокурора в уголовном процессе, представляется не очень удачной. Надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия не соседствует с уголовным преследованием, как две равноценные функции, а является той процессуальной формой, в которой реализуется назначение прокурора. Законность предварительного расследования, обеспечиваемая средствами прокурорского надзора за ним, не самоценна, она есть неременное условие эффективного поддержания государственного обвинения в суде. Не обеспечив законности в ходе досудебного про-

изводства, не приняв необходимых мер к устранению допущенных процессуальных нарушений, прокурор не сможет добиться от суда обвинительного приговора, а именно такова его цель в судебном производстве.

Подчеркивая, что, поддерживая государственное обвинение в суде, прокурор обеспечивает его законность и обоснованность, ст. 246 УПК РФ обращает наше внимание на то, что прокурор осуществляет обвинительную деятельность от имени государства и что деятельность прокурора в суде обусловлена той ролью, которую он выполняет в силу Закона «О Прокуратуре РФ», – ролью блюстителя законности. Поэтому, говоря о прокуроре, необходимо различать его взаимосвязанные функции как государственного органа надзора за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов и как субъекта уголовного процесса, отнесенного к стороне обвинения. Надзор за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия является не только формой уголовного преследования, но и частью, отраслью прокурорского надзора как государственно-правовой функции прокурора.

Прокурор реализует свою государственно-правовую функцию не только путем непосредственного надзора за законностью в деятельности органов предварительного расследования, но и поддерживая государственное обвинение в суде, так как, добиваясь справедливого осуждения и наказания виновного в совершении преступления, прокурор способствует восстановлению законности и правопорядка. Он не осуществляет надзора в стадии судебного разбирательства, как считалось в те времена, когда прокурорский надзор именовался высшим⁵. В судебном разбирательстве прокурор – сторона, не имеющая непосредственных властных полномочий, но реализующая путем поддержания государственного обвинения обвинительную государственную власть. Его задача доказать обвинение обеспечивается всей предшествующей деятельностью органов предварительного расследования.

С учетом сказанного, предварительное расследование, надзор за ним и поддержание государственного обвинения в суде можно рассматривать как взаимосвязанные формы уголовного преследования, то есть деятельности, осуществляемой в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления (п. 56 ст. 5 УПК). Участвующий во всех стадиях уголовного процесса прокурор возглавляет обвинительную власть, отделенную от власти судебной в силу разделения государственной власти (ст. 10 Конституции РФ), преломленного в принципе состязательности уголовного судопроизводства. В состязательном уголовном процессе следователь, дознаватель собирают доказательства, необходимые для выдвижения и обоснования обвинения. Надзирающий за этой деятельностью, а затем поддерживающий обвинение в суде прокурор не только обеспечивает законность обвинения, но и обосновывает его перед судом, добиваясь признания обвиняемого виновным. Предварительное расследование – необходимый, но предварительный этап уголовного преследования, продол-

жаемого прокурором в судебных стадиях уголовного процесса. Возглавляющий иерархию государственных органов уголовного преследования и завершающий уголовное преследование в суде, прокурор несет всю ответственность за результаты обвинительной деятельности. Лежащее на прокуроре бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту обвиняемого, нуждается в правовых средствах обеспечения законности предварительного расследования.

Поэтому поддержание государственного обвинения в суде неразрывно связано с деятельностью прокурора в стадии предварительного расследования и является ее продолжением. Закон не случайно называет деятельность прокурора в суде *п о д д е р ж а н и е м* государственного обвинения, подчеркивая тем самым, что государственный обвинитель отстаивает не свою, а официальную позицию обвинительной власти, утвержденную прокурором в момент принятия решения о направлении уголовного дела в суд. Обосновать эту позицию, то есть изобличить обвиняемого теми доказательствами, которые были собраны в процессе предварительного расследования, и добиться возложения на обвиняемого уголовной ответственности и наказания прокурор сможет только в том случае, если обвинение законно и обоснованно. Этим и обусловлена необходимость прокурорского надзора за предварительным расследованием – он обеспечивает возможность обосновать обвинение в суде⁶.

В практике иногда возникает вопрос о том, кто вправе осуществлять полномочия прокурора в уголовном процессе. В соответствии с ч. 5 ст. 37 УПК РФ, полномочия прокурора, предусмотренные этой статьей, осуществляются прокурорами района, города, их заместителями, приравненными к ним и вышестоящими прокурорами. Однако, в соответствии с Законом «О Прокуратуре РФ», в штате районных, городских и вышестоящих прокуратур имеются также помощники прокуроров, статус которых в уголовном процессе не определен, но которые выполняют функции по поддержанию государственного обвинения, участвуют в судебных заседаниях при рассмотрении ходатайств органа расследования и жалоб на их действия, выполняют иные полномочия. П. 31 ст. 5 УПК РФ разъясняет, что под прокурором следует понимать Генерального прокурора РФ и подчиненных ему прокуроров, их заместителей и иных должностных лиц органов прокуратуры, участвующих в уголовном судопроизводстве и наделенных соответствующими полномочиями федеральным законом о прокуратуре.

В соответствии со ст. 54 указанного Федерального закона, прокурор, если в соответствующей статье закона не указано иное, – это Генеральный прокурор Российской Федерации, его советники, старшие помощники, помощники и помощники по особым поручениям, заместители Генерального прокурора Российской Федерации, их помощники по особым поручениям, заместители, старшие помощники и помощники Главного военного прокурора, все нижестоящие прокуроры, их заместители, помощники прокуро-

ров по особым поручениям, старшие помощники и помощники прокуроров, старшие прокуроры и прокуроры управлений и отделов, действующие в пределах своей компетенции. Помощники прокурора района, города в этом списке не указаны.

В то же время п. 6 ст. 5 УПК разъясняет, что государственный обвинитель – это должностное лицо органа прокуратуры, поддерживающее от имени государства обвинение в суде. Поэтому помощник районного, городского прокурора, являющийся должностным лицом органа прокуратуры, участвует в суде в качестве государственного обвинителя на вполне законных основаниях. Однако законность осуществления им иных функций в суде, в частности при рассмотрении ходатайств следователя и дознавателя, а также жалоб на их действия, вызывает вполне обоснованные сомнения. Думается, что эти полномочия помощникам районного, городского прокурора не принадлежат, а повсеместно сложившаяся практика не соответствует закону.

Итак, деятельность прокурора в уголовном процессе, обусловленная его государственной функцией надзора за соблюдением Конституции РФ и исполнением действующих на территории РФ законов, направлена на обеспечение реализации уголовного закона, привлечение совершивших преступления лиц к уголовной ответственности. Являющаяся уголовным преследованием, эта деятельность реализуется прокурором в досудебном производстве в форме надзора за законностью предварительного расследования и в судебном производстве в форме поддержания государственного обвинения. Осуществляя свои полномочия, прокурор способствует реализации назначения уголовного судопроизводства, определенного в ст. 6 УПК РФ как защиты прав и законных интересов личности.

Права и свободы человека и гражданина неразрывно связаны с режимом законности: чем выше в стране уровень законности, тем более обеспечены права и свободы человека и гражданина и наоборот. Любое нарушение закона прямо или косвенно затрагивает права человека, ущемляет его интересы, ограничивает степень свободы личности. В то же время необоснованное ограничение прав и свобод человека есть и нарушение закона, предоставляющего и гарантирующего эти права и свободы, нарушение Конституции РФ, общепризнанных принципов и норм международного права, являющихся частью правовой системы России (ст. 15 Конституции РФ). Поэтому надзор прокурора за соблюдением Конституции РФ и исполнением действующих на территории Российской Федерации законов фактически совпадает с надзором за соблюдением прав и свобод человека и гражданина. Осуществляя надзор за исполнением и соблюдением законов, Прокуратура Российской Федерации выполняет важную роль гаранта прав и свобод личности.

Рассмотрим с этих позиций полномочия прокурора в досудебном производстве.

ГЛАВА 2. НАДЗОР И ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ РУКОВОДСТВО

Процессуальный статус прокурора в досудебном производстве обусловлен возложенной на него задачей – обеспечить соблюдение законности в деятельности органов дознания и предварительного следствия. Тем самым прокурор обеспечивает соблюдение в ходе досудебного производства прав участвующих в нем лиц, охрану их свобод и защиту законных интересов, то есть реализацию назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК). Такая задача поставлена перед прокурором Законом «О Прокуратуре РФ» (ст. 1, 29, 30) и вытекает из положений ч. 1 ст. 37 УПК.

Осуществляя эту задачу, прокурор пользуется полномочиями, предоставленными ему для этого не только Уголовно-процессуальным кодексом РФ, но и Законом «О Прокуратуре РФ». Он вправе:

- рассматривать и проверять заявления, жалобы и иные сообщения о нарушении прав и свобод человека и гражданина органами дознания и предварительного следствия;

- разъяснять пострадавшим порядок защиты их прав и свобод;

- принимать меры по предупреждению и пресечению нарушений прав и свобод человека и гражданина, привлечению к ответственности лиц, нарушивших закон, и возмещению причиненного ущерба (ст. 27 ФЗ);

- требовать от руководителей и других должностных лиц органов следствия и дознания представления необходимых документов, материалов, статистических и иных сведений; проведения проверок по поступившим в органы прокуратуры материалам и обращениям;

- проверять исполнение законов в связи с поступившей в органы прокуратуры информацией о фактах нарушения закона;

- вызывать должностных лиц для объяснений по поводу нарушений законов (ст. 22 ФЗ).

Несмотря на что УПК РФ не называет этих полномочий прокурора в качестве составной части его процессуального статуса, как и ст. 30 ФЗ «О Прокуратуре РФ», отсылающая нас к УПК, наличие их у прокурора, осуществляющего надзор за процессуальной деятельностью органов следствия и органов дознания, не вызывает сомнений. Органы следствия и дознания являются поднадзорными прокурору органами исполнительной власти, соблюдение которыми законов (ст. 21 ФЗ), а также прав и свобод человека и гражданина охватывается предметом прокурорского надзора (ст. 26 ФЗ).

Однако реагировать на выявленные при осуществлении надзорных полномочий нарушения закона, прав и свобод участников уголовного процесса при производстве предварительного расследования прокурор может только в пределах полномочий, предоставленных ему для этого Уголовно-процессуальным кодексом. И эти полномочия в отношении органов следствия и органов дознания различны.

Произведем сравнительный анализ этих полномочий прокурора.

При производстве дознания прокурор вправе:

- разрешить отвод, заявленный дознавателю участком уголовного процесса, а значит, при наличии предусмотренных законом (ст. 61 УПК РФ) оснований отстранить дознавателя от продолжения расследования и передать дело другому дознавателю;

- отстранить дознавателя от дальнейшего расследования также, если им допущено нарушение требований УПК;

- изъять у органа дознания любое дело и передать его следователю, если это необходимо в интересах расследования;

- отменить незаконное или необоснованное постановление дознавателя;

- утвердить постановление дознавателя о прекращении уголовного дела;

- дать дознавателю согласие на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, отмене, изменении меры пресечения и производстве следственного действия, которое допускается на основании судебного решения;

- дать дознавателю обязательные для исполнения письменные указания о направлении расследования и производстве следственных действий; а также:

- прекратить уголовное дело, поступившее к нему по окончании дознания с обвинительным актом, по предусмотренным законом основаниям;

- при утверждении обвинительного акта своим постановлением исключить из него отдельные пункты обвинения либо переqualифицировать обвинение на менее тяжкое (п. 3 ч. 1 и ч. 2 ст. 226 УПК РФ).

До недавнего времени (до 07.09.07 г.) аналогичные полномочия прокурор мог осуществлять и при производстве предварительного расследования в форме следствия, однако закон РФ №87-ФЗ от 05.06.07 г. внес в УПК существенные изменения.

Отныне при производстве предварительного следствия прокурор, выявив нарушение следователем уголовно-процессуального закона, вправе:

- требовать от следственного органа устранения допущенных нарушений;

- рассматривать представленную руководителем следственного органа информацию следователя о несогласии с требованиями прокурора и принимать по ней решение;

- передавать уголовное дело от одного следователя другому с соблюдением правил о подследственности, а также передавать любое уголовное дело для расследования следователю Следственного комитета при Прокуратуре РФ, изъяв его у другого органа предварительного расследования;

- вернуть следователю уголовное дело, поступившее с обвинительным заключением со своими письменными указаниями о производстве дополнительного расследования, об изменении объема обвинения либо

квалификации действий обвиняемых или для пересоставления обвинительного заключения.

Все другие полномочия по отношению к следователю, которые ранее принадлежали прокурору, переданы законом от 05.06.07 г. руководителю следственного органа (ст. 39 УПК РФ), заменившему собой начальника следственного отдела в органах исполнительной власти, а поскольку в прокуратуре ранее не было должности начальника следственного отдела и его функции выполнял соответствующий прокурор, указанным законом №87-ФЗ при Генеральной прокуратуре РФ создан Следственный комитет с соответствующей структурой следственных органов по вертикали.

Произведя эти изменения, законодатель разделил полномочия по руководству расследованием и надзору за исполнением законов органами предварительного следствия между двумя субъектами – руководителем следственного органа и прокурором.

Вопрос о необходимости размежевания этих полномочий обсуждается давно, он имеет как своих сторонников, так и противников, но единого подхода к его разрешению пока не выработано. В качестве аргументов «за» совмещение прокурорского надзора и процессуального руководства расследованием приводился, например, тот довод, что невозможно определить, какие полномочия являются руководством, а какие надзором, какие действия следователя – объект надзора, а какие – объект руководства⁷. Поэтому руководство расследованием рассматривалось как метод, способ надзора за его законностью⁸ или наоборот: надзор за соблюдением следователем закона рассматривался как способ, с помощью которого прокурор направляет следствие в нужное русло, то есть руководит им⁹. Высказывались основанные на знании практики опасения, что изъятие у прокурора значительной части полномочий под предлогом разделения его и начальника следственного отдела функций ослабит прокурорский надзор и отрицательно скажется на качестве следствия и, как писал А.М. Ларин, превратит прокурора «в безвластного ходока по инстанциям»¹⁰.

В качестве аргумента «против» совмещения надзора и руководства расследованием в руках прокурора указывалось на необходимость обеспечить объективность прокурорского надзора, а также устранить подмену прокурором начальника следственного отдела¹¹.

Первоначально российский законодатель, создавая новый УПК, воспринял идею совмещения рассматриваемых процессуальных функций. Ст. 37 УПК РФ давала прокурору возможность контролировать каждый шаг органа расследования – от приема и регистрации сообщения о преступлении до принятия итогового решения (о направлении уголовного дела в суд или о прекращении уголовного дела и уголовного преследования). Без его одобрения следователь не мог ни возбудить уголовное дело, ни совершить сколь-нибудь значимые процессуальные действия. Письменные и устные указания прокурора по любому вопросу были обязательны для сле-

дователя, прокурор мог отменить незаконное постановление, отстранить следователя от производства расследования и т.п.

Некоторые из новых полномочий прокурора вызвали в науке и практике особенно резкую критику. В частности, это касалось права следователя возбуждать уголовные дела только с согласия прокурора. В соответствии со ст. 146 УПК РФ, следователь должен был незамедлительно направить прокурору вынесенное им постановление о возбуждении уголовного дела. Положительная оценка прокурором решения следователя о возбуждении уголовного дела санкционировала, как отмечала И.Б. Михайловская, дальнейшее производство расследования, а отрицательная была равносильна его (прокурора) решению о прекращении дела¹². Это порождало не только волокиту в принятии решения, но и неопределенность в вопросе о законности следственных действий, произведенных следователем после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела, но до получения согласия на это прокурора. Недостаточно ясен бы статус согласия прокурора при обращении в суд с ходатайством о производстве некоторых следственных действий (осмотра и обыска жилища, наложения ареста на корреспонденцию и пр.). Само по себе это согласие не давало следователю права произвести следственное действие, однако без него следователь не мог обратиться в суд. Двойной (со стороны прокурора и суда) контроль над решениями следователя порождал безответственность.

Практика показала неэффективность подобного правового регулирования. Поэтому ныне реализованная законодателем идея разделения надзора и руководства расследованием представляется закономерным результатом поиска оптимальных средств повышения эффективности и качества предварительного расследования. В этом свете вполне логичным выглядит и создание Следственного комитета при Прокуратуре РФ: все следователи, независимо от ведомственной принадлежности, должны находиться в равноудаленном положении от прокурора. Роль прокурора в уголовном процессе приобретает иные черты и становится более внятной: надзор за расследованием плавно перетекает в поддержание государственного обвинения в суде и становится средством его обеспечения. Государственное обвинение в суде, обеспеченное правом надзирать за законностью предварительного расследования, становится основной (возможно, единственной) функцией прокурора в уголовном процессе.

Однако эта стройная и логичная конструкция мгновенно разрушается, как только мы обращаем свой взгляд на дознание. Все полномочия по руководству процессуальной деятельностью дознавателя, за исключением утверждения постановления о возбуждении уголовного дела публичного обвинения¹³, как выше было показано, сохранены. Руководство расследованием в форме дознания и надзор за ним остаются в одних, а именно прокурорских, руках, и это рождает дилемму: либо руководство расследованием и надзор совместимы, либо нет. Нельзя теоретически грамотно и не-

противоречиво объяснить и обосновать разделение рассматриваемых процессуальных функций по отношению к одной форме расследования и прямо противоположное по отношению к другой.

Сохранение процессуального руководства одной из форм расследования за прокурором не может быть объяснено ни значимостью той категории дел, которые расследуются в форме дознания, ни множественностью органов дознания, а потому выглядит крайне нелогичным. Изменение процедуры дознания законом №90-ФЗ от 06.06.07 г., фактически ликвидировавшее дознание как упрощенную и ускоренную форму предварительного расследования, руководство им со стороны прокурора делает еще более неуместным. Мелочная опека прокурором дознавателя при невозможности прямого вмешательства в предварительное следствие принижает роль прокурора в уголовном процессе.

Следует отметить, что этим законом учреждена фигура начальника подразделения дознания, наделенная процессуальными полномочиями. Он вправе, например, изымать дело у дознавателя и передавать его другому дознавателю, давать обязательные для исполнения указания о направлении расследования, производстве следственных действий, квалификации действий обвиняемого и объеме обвинения. Эти полномочия частично пересекаются с полномочиями прокурора, частично – начальника следственного органа, в то же время в законе отсутствует ясность в том, кто – прокурор или начальник подразделения дознания – должен, например, принимать решение о соединении уголовных дел (ст. 153).

Новым законом существенно ограничены и права прокурора на завершающем этапе предварительного расследования, то есть при утверждении обвинительного заключения. Теперь прокурор не в праве, как прежде, изменить объем обвинения, квалификацию действий обвиняемых, переставить обвинительное заключение, внести изменения в список лиц, вызываемых в судебное заседание, прекратить уголовное дело и/или уголовное преследование. Оценка этих изменений будет дана позже, пока же рассмотрим некоторые из названных полномочий прокурора более подробно.

ГЛАВА 3. ХАРАКТЕРИСТИКА НАДЗОРНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ ПРОКУРОРА

3.1. Право прокурора проверять исполнение требований федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях обусловлено назначением уголовного судопроизводства. Задача защиты прав и законных интересов потерпевших от преступлений лиц требует реагирования уполномоченных органов государственной власти на каждое совершенное преступление в целях установления совершившего преступление лица, что дает возможность впоследствии привлечь это лицо к уголовной ответственности, компенсировать причиненный потерпевшему этим преступлением вред. В каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают предусмотренные законом меры по установлению события преступления, избранию лица или лиц, виновных в совершении преступления (ч. 2 ст. 21 УПК РФ). Прием, регистрация и разрешение сообщений о преступлении – первый этап работы правоохранительной системы по сообщению о преступлении, от которой зависит эффективность реализации государством своего права на наказание виновного в совершении преступления лица.

Порядок приема, регистрации и рассмотрения сообщений о преступлениях установлен типовым Положением, утвержденным совместным приказом Генерального прокурора МВД, МЧС, ФСБ и других государственных органов РФ от 29 декабря 2005 года «О едином учете преступлений». Задача прокурора – выявлять и пресекать случаи отказа в приеме сообщений о преступлениях, нарушения срока рассмотрения сообщений, незаконного и необоснованного возбуждения уголовного дела и отказа в его возбуждении, поскольку и то, и другое в одинаковой мере нарушает права и законные интересы лиц. Генеральный прокурор РФ требует от подчиненных ему прокуроров систематически, не реже одного раза в месяц, проводить проверки исполнения закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях¹⁴. Реализация прокурором этого права гарантирована также обязанностью следователя и дознавателя незамедлительно по принятии решения о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела направить копию постановления прокурору (ч. 4 ст. 146, ч. 4 ст. 148 УПК РФ). Кроме того, прокурор, признав, что уголовное дело возбуждено незаконно, если это решение принято дознавателем, отменяет его постановление и со своими указаниями направляет начальнику органа дознания (ч. 6 ст. 148). Если решение об отказе в возбуждении уголовного дела принято следователем, прокурор выносит мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов руководителю следственного органа для решения вопроса об отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела и, соответственно, принятии законного и обоснованного решения.

Вопрос о том, как должен поступить прокурор в том случае, если дознавателем или следователем принято необоснованное или незаконное решение о возбуждении уголовного дела, новая редакция закона излагает невнятно.

Согласно ч. 4 ст. 146 УПК РФ, в случае если прокурор признает постановление о возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным, он вправе в срок не позднее 24 часов с момента получения материалов отменить постановление о возбуждении уголовного дела, о чем выносится мотивированное постановление. Право прокурора отменить постановление дознавателя о возбуждении уголовного дела не вызывает сомнений, так как прокурор, как гласит ст. 37 УПК РФ, вправе отменить любое постановление дознавателя. Однако эта статья не предусматривает права прокурора отменить какое бы то ни было постановление следователя. Рассматриваемое положение ст. 146 УПК РФ не согласуется с общей по отношению к ней нормой, содержащейся в ст. 37 УПК, и хотя эта статья содержит оговорку о том, что прокурор пользуется и иными, закрепленными в УПК РФ полномочиями, думается, что отмена прокурором столь важного постановления следователя, как постановление о возбуждении уголовного дела, является слишком значимым исключением из общего правила. Поэтому если такова действительная воля законодателя, следовало указать на это исключение непосредственно в ст. 37 УПК РФ. Сомнения в действительной воле законодателя порождает также место расположения этого правомочия в системе других правил, касающихся возбуждения уголовного дела. Системное толкование рассматриваемого предложения ч. 4 ст. 146 позволяет думать, что законодатель имел в виду отмену прокурором постановления о возбуждении уголовного дела, вынесенного руководителем геологоразведочной партии или зимовки, удаленных от мест расположения органов дознания, главой дипломатического представительства или консульского учреждения Российской Федерации, действующих в некоторых случаях в качестве органов дознания.

Однако Генеральный прокурор РФ считает иначе и требует от прокуроров рассматривать все постановления о возбуждении уголовного дела не позднее 24 часов с момента их поступления к прокурору и, признав решение следователя незаконным или необоснованным, отменять его своим мотивированным постановлением (п. 1.3 Приказа № 136). В любом случае законодатель, на наш взгляд, должен редакционными изменениями устранить возможность неоднозначного истолкования ч. 4 ст. 146 УПК РФ.

Органы прокуратуры обязаны реагировать на сообщения о совершенных или готовящихся преступлениях, поступившие непосредственно в их адрес. Однако прокурор после изменения его статуса законом от 05.06.07 г. не вправе принимать решения о возбуждении уголовного дела, поскольку это означало бы не только выполнение им функции органа расследования, но и совмещение ее с функцией надзора. Поэтому прокурор, выявив в про-

цессе осуществления надзорных полномочий факты, свидетельствующие о совершенных преступлениях (нарушениях уголовного законодательства), в соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, выносит мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса о наличии оснований для принятия решения о возбуждении уголовного дела и уголовном преследовании совершившего преступление лица и осуществляет, как было показано выше, надзор за законностью принятия по этим материалам процессуального решения.

3.2. Осуществляя надзорные полномочия, *прокурор вправе требовать от органов дознания и следствия устранения нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе дознания или предварительного следствия* (п. 3 ч. 2 ст. 37).

Процессуальным документом, в котором прокурор излагает свое адресованное органу дознания или следствия требование об устранении нарушений закона, является постановление. УПК не говорит о том, что требование прокурора об устранении нарушений закона обязательно для органа следствия или дознания, однако это вовсе не свидетельствует о возможности неисполнения законного требования прокурора. Охраняя процессуальную самостоятельность следователя, законодатель предоставляет ему возможность, не согласившись с требованием прокурора об устранении нарушений закона, то есть считая требование необоснованным, обратиться со своими письменными возражениями к руководителю следственного органа, который и принимает решение – указать следователю на необходимость выполнения требования прокурора либо проинформировать прокурора о своем несогласии с требованием. В последнем случае прокурор вправе направить свое требование руководителю вышестоящего следственного органа и так далее. Представляется, что возможность выразить свое несогласие с требованием прокурора путем направления своих возражений по соответствующим процессуальным инстанциям не говорит о необязательности этого требования. Утверждая это, я исхожу из недопустимости распространения права следователя самостоятельно определять ход и направление расследования, гарантированного упразднением права прокурора давать обязательные для исполнения указания на исполнение закона, являющегося важнейшим принципом уголовного судопроизводства (ст. 7 УПК). Трудно представить ситуацию, в которой следователь или руководитель следственного органа отстаивают свое право на нарушение закона, поэтому, если следователь при производстве расследования нарушил УПК, то он обязан по требованию прокурора это нарушение устранить. Обращение следователя со своими возражениями к руководителю следственного органа и далее до Генерального прокурора РФ в случае необъективности прокурора, непосредственно осуществляющего надзор за расследованием преступления, не меняет характера правоотношений между ор-

ганом надзора и поднадзорным субъектом. Однако во избежание разночтения было бы более правильным указать в ч. 6 ст. 37 УПК РФ на то, что требование прокурора об устранении допущенных при производстве расследования нарушений закона для органа расследования является обязательным, сохранив право следователя обратиться со своими возражениями к руководителю следственного органа и далее по тексту.

В целях реализации этого полномочия прокурор обязан контролировать поступление в прокуратуру копий постановлений следователя о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, а также постановлений о приостановлении предварительного следствия, обеспечить надзор за поступлением к нему копий постановлений о привлечении в качестве обвиняемого, своевременно проверять законность и обоснованность этих решений и выносить мотивированное постановление об устранении выявленных нарушений.

3.3. Что касается обязательности требования прокурора об устранении нарушений закона при производстве дознания, то оно является безусловным. Никаких указаний на право дознавателя возражать против требования прокурора закон не содержит. Ч. 4 ст. 41 УПК РФ предусматривает лишь право дознавателя обжаловать вышестоящему прокурору указания прокурора о направлении расследования и производстве следственных действий, не приостанавливая при этом их исполнения. Однако было бы неправильным связывать различие в степени обязательности требований прокурора об устранении нарушений закона для следователя и дознавателя с рассмотренным выше перераспределением полномочий по процессуальному руководству расследованием. Требование прокурора об устранении процессуальных нарушений относится к надзорным полномочиям, объем которых не может быть неодинаковым по отношению к обеим формам предварительного расследования. В то же время право прокурора требовать от органа дознания устранения нарушений закона обеспечивается его *правом отменить любое незаконное постановление дознавателя* (п. 6 ч. 2 ст. 37 УПК).

3.4. Важное место среди полномочий прокурора занимает надзор за законностью и обоснованностью решений об ограничении конституционных прав и свобод участников уголовного процесса.

Прокурор обязан проверять законность задержаний подозреваемых по уголовным делам и принимать меры к устранению нарушений порядка задержания. Жалобы на незаконность задержания и нарушения прав задержанных проверять незамедлительно, пресекать случаи задержания подозреваемых в совершении преступлений на основании протоколов об административном правонарушении. Руководствуясь ч. 2 ст. 10 УПК РФ своим постановлением немедленно освобождать всякого, содержащегося под стражей свыше установленного законом срока, а также незаконно помещенного в медицинский или психиатрический стационар (п. 1.4 Приказа

Генерального прокурора РФ №136 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» от 06.09.2007 г.).

Согласно ст. 29 УПК РФ, решения о применении таких мер пресечения как заключение под стражу, домашний арест и залог, а также о продлении срока содержания под стражей, помещении подозреваемого (обвиняемого), не содержащегося под стражей, в медицинский или психиатрический стационар для производства судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы, производстве осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц, обыска и (или) выемки в жилище, личного обыска, выемки предметов и документов, содержащих государственную или охраняемую федеральным законом тайну, а также предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных учреждениях, о наложении ареста на корреспонденцию, разрешении на ее осмотр и выемку в учреждениях связи, о временном отстранении подозреваемого, обвиняемого от должности, о контроле и записи телефонных и иных переговоров правомочен принимать только суд. Суд наделен полномочиями также рассматривать и разрешать жалобы участников уголовного процесса на действия и решения дознавателя, следователя и прокурора, способные причинить ущерб их конституционным правам и свободам либо затруднить доступ к правосудию. Эти два вида судебной деятельности получили в теории название судебного контроля¹⁵. *Прокурор вправе участвовать в судебных заседаниях при рассмотрении судом этих вопросов*, однако роль его в этих заседаниях неодинакова, а нормативная регламентация участия прокурора в судебном контроле за обоснованностью ограничения конституционных прав граждан оставляет желать лучшего. Изменив статус прокурора в досудебном производстве, законодатель не внес необходимых изменений в соответствующие статьи УПК РФ. Рассмотрим этот важный с точки зрения как теории, так и практики вопрос.

Процедура принятия судом решения о применении любой из названных выше мер пресечения урегулирована ст. 108 УПК РФ. Согласно ч. 4 этой статьи, суд рассматривает ходатайство органа расследования в судебном заседании с участием подозреваемого, обвиняемого, прокурора, защитника. В судебном заседании вправе также участвовать законный представитель несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, дознаватель, следователь. Ч. 6 этой же статьи предусматривает, что после того, как судья объявит, какое ходатайство подлежит рассмотрению, и разъяснит права и обязанности явившимся в судебное заседание лицам, «прокурор либо по его поручению лицо, возбудившее ходатайство, обосновывает его, после чего заслушиваются другие явившиеся в судебное заседание лица». Эти законодательные формулировки, существовавшие до принятия закона №87-ФЗ от 05.06.07 г., не соответствуют той роли, которая отведена про-

курору сегодня, и могут применяться лишь к тем ситуациям, когда расследование осуществляется в форме дознания. Дознаватель вправе обратиться в суд с соответствующим ходатайством лишь с согласия прокурора, поэтому представляется логичным, что дознаватель вправе присутствовать или не присутствовать в судебном заседании, а прокурор вправе обосновывать согласованное с ним ходатайство или поручать его обоснование дознавателю. Однако при производстве расследования в форме предварительного следствия ситуация совершенно иная.

Следователь, в соответствии с новыми правилами, обращается в суд с ходатайством о применении меры пресечения с согласия руководителя следственного органа, а не прокурора. И это обстоятельство существенно меняет роль прокурора, участвующего в судебном заседании при рассмотрении ходатайства: прокурор выполняет здесь роль блюстителя законности, он может поддерживать или не поддерживать ходатайство следователя, но не может принять на себя обязанности по его обоснованию. Обосновать ходатайство в новых условиях должен следователь, впрочем, не противоречит процессуальной сущности этого действия и возложение этой обязанности на руководителя следственного органа, давшего свое согласие на обращение следователя в суд. В связи с этим рассматриваемая формулировка ч. 4 ст. 108 УПК РФ должна быть изменена и звучать так: «Постановление о возбуждении ходатайства... подлежит рассмотрению... с участием подозреваемого, обвиняемого, защитника, прокурора и лица, заявившего ходатайство... В судебном заседании вправе также принять участие дознаватель, руководитель следственного органа». Соответствующие изменения должны быть внесены в ч. 6 этой статьи, в ней должно быть указано, что ходатайство обосновывает именно лицо, заявившее ходатайство, под которым следует понимать как следователя и дознавателя, так и руководителя следственного органа и – в случае с дознанием – прокурора. Дав свое согласие на обращение в суд, они тем самым приняли на себя и обязанность его обосновать.

Эти уточнения представляются в новых условиях весьма важными. Участвующий в судебном заседании при рассмотрении ходатайства следователя прокурор выполняет надзорные полномочия. Его мнение о законности и обоснованности заявленного ходатайства (заявленного, подчеркнем, без его участия) должно и может отражать объективную и беспристрастную позицию органа надзора за законностью. Мнение прокурора в рассматриваемой ситуации есть не что иное, как заключение, известное ранее нашему уголовно-процессуальному законодательству. Не приемлемый в судебном разбирательстве уголовного дела, в котором прокурор выступает как сторона обвинения, этот термин, как представляется, достаточно точно отражает существо излагаемого прокурором мнения в судебном заседании по осуществлению судом контроля за соблюдением конституционных прав и свобод.

Аналогичную позицию по рассматриваемому вопросу занял и Генеральный прокурор РФ, приказавший подчиненным ему прокурорам так организовать взаимодействие с руководителями следственных органов, чтобы копия согласованного с ним ходатайства следователя, а также копии материалов, подтверждающих его обоснованность, направлялись прокурору одновременно с направлением им ходатайства в суд. Это позволит прокурору своевременно подготовиться к участию в судебном заседании и выработать по заявленному ходатайству обоснованную позицию. «В каждом случае прокурору, участвующему в судебном заседании, составлять письменное заключение об обоснованности заявленного ходатайства для приобщения к рассмотренным судом материалам и надзорному производству. Вывод об отсутствии оснований для поддержания ходатайства согласовывать с руководителем прокуратуры» (п. 1.5. Приказа Генерального прокурора РФ № 136 от 06.09.2007 г.).

Приказ Генерального прокурора напоминает о личной ответственности прокурора, поддерживающего в суде ходатайство следователя о применении в качестве меры пресечения заключения под стражу, особенно в тех случаях, когда впоследствии лицо из-под стражи освобождено и реабилитировано.

Должен прокурор требовать от органа расследования и своевременно направления ему уведомления о производстве без судебного решения осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц, обыска и выемки в жилище, наложения ареста на имущество, указанное в ч.1 ст. 104-1 УК РФ, а также материалов по результатам их производства для правовой оценки (п. 1.6. Приказа № 136).

3.5. Такой же характер имеет участие *прокурора в судебном заседании при рассмотрении судом жалоб участников уголовного процесса на нарушения их конституционных прав органами следствия и дознания*. Прокурор не вправе поддерживать или одобрять незаконные действия и решения следователя или дознавателя, его позиция должна опираться только на закон, которому он служит. Поэтому на прокурора не может быть возложено обязанности отвечать перед судом по поданной на действия следователя жалобе. Представлять суду объяснения по существу жалобы – право и обязанность следователя, не исключено также участие в этом качестве руководителя следственного органа. Между тем ст. 125 УПК РФ вообще ничего не говорит об участии следователя, дознавателя в судебном заседании, и если прежде такое положение еще можно было объяснить тем, что руководящий расследованием прокурор представляет в этом судебном заседании интересы органов расследования, то теперь это справедливо лишь в плане его взаимоотношений с органами дознания.

Генеральный прокурор РФ обоснованно называет мнение, высказываемое прокурором в этой судебной процедуре, заключением (п. 1.7. Приказа № 136). В Приказе № 137 «Об организации прокурорского надзора за

процессуальной деятельностью органов дознания» от 06.09.2007 г. прокурорам предписано по получении информации о поступлении в суд жалобы на постановление дознавателя об отказе в возбуждении уголовного дела, прекращении или приостановлении уголовного дела и на иные решения и действия (бездействие) дознавателя, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию, немедленно потребовать от дознавателя для проверки материалы, относящиеся к обжалуемому действию (бездействию) или решению, и *устранить выявленные нарушения, в том числе отменять незаконные постановления дознавателя, до рассмотрения жалобы в суде* (п. 21 Приказа).

Однако в тех случаях, когда жалуются действия или решения самого прокурора, его роль в предусмотренной ст. 125 УПК РФ процедуре меняется, так как именно он отвечает перед судом по существу предъявляемых участником уголовного процесса претензий. Поэтому формулировку ч. 3 ст. 125 УПК РФ следовало бы изменить, отразив в ней, что жалоба рассматривается в судебном заседании с участием лица, чьи действия (бездействие) или решения обжалованы, а также прокурора. Требуется изменения и ч. 4 ст. 125, второе предложение которой, как представляется, должно звучать так: «заявитель, если он участвует в судебном заседании, обосновывает жалобу, после чего заслушиваются лица, действия (бездействие) или решения которого обжалуются, а также мнение (заключение) прокурора».

3.6. Среди иных полномочий прокурора, реализуемых в досудебном производстве, следует рассмотреть предусмотренное ст. 124 УПК РФ право рассматривать жалобы на действия и решения следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, руководителя подразделения дознания, начальника органа дознания. Прокурор, согласно этой статье, в течение 3 суток с момента получения жалобы, а в случае необходимости истребования дополнительных материалов в течение 10 дней проверяет изложенные в ней доводы и выносит постановление о полном или частичном удовлетворении или отказе в удовлетворении жалобы. В связи с изменившимися полномочиями прокурора, ограниченного в возможности непосредственно устранить выявленное нарушение, закономерно возникает вопрос о том, что означает полное или частичное удовлетворение жалобы.

Очевидно, что постановление об удовлетворении жалобы означает признание прокурором жалобы обоснованной, а действий (бездействия) или решений следователя, дознавателя – незаконными. Реагирование прокурора на незаконные действия следователя, дознавателя, адекватное характеру допущенного нарушения, осуществляется в тех процессуальных формах, которые мы уже рассмотрели. Это требование об устранении нарушений законодательства по отношению к органам следствия и дознания, отмена незаконного постановления дознавателя или дача ему указаний о производстве тех или иных следственных действий, если жалоба принесена на бездейст-

вие должностного лица. Лишение прокурора права давать указания следователю о направлении следствия, производстве следственных действий и по другим вопросам не представляется таким уж бесспорным. Направляя руководителю следственного органа постановление, содержащее требование об устранении нарушений федерального законодательства, прокурор не может не указать следователю, какие действия необходимо совершить для устранения этих нарушений. А если в жалобе содержится также ходатайство о производстве следственных действий, то прокурор, в соответствии с Приказом Генпрокурора №136 (п. 1.14), должен отражать в этом постановлении и свое мнение об обоснованности данного ходатайства. Думается, что эта рекомендация соответствует надзорным полномочиям прокурора, ведь ходатайство о производстве следственных действий, по сути, является жалобой на бездействие следователя, и прокурор обязан на нее реагировать.

Обнаружив в процессе рассмотрения жалобы признаки состава преступления в действиях должностных лиц, прокурор обязан своим мотивированным постановлением направить материалы проверки в соответствующий следственный орган Следственного комитета при Прокуратуре РФ для решения вопроса об уголовном преследовании этого должностного лица (п. 1.14. Приказа №136).

3.7. Как видим, в целом прокурор сохраняет достаточно полномочий для эффективного надзора за предварительным следствием. Однако наиболее важным и ответственным этапом прокурорского надзора за законностью предварительного расследования является *принятие решения по делу, поступившему с обвинительным заключением (обвинительным актом)*. По материалам представленного ему уголовного дела прокурор оценивает всю совокупность проделанной органом расследования работы. Изучая материалы уголовного дела, прокурор оценивает соответствие выводов следователя установленным в ходе расследования обстоятельствам дела, правильность квалификации содеянного, соблюдение уголовно-процессуальных норм при производстве следственных действий, соответствие имеющихся в деле документов требованиям УПК.

Рассматривая дело, поступившее с обвинительным заключением, прокурор принимает одно из двух¹⁶ решений: 1) об утверждении обвинительного заключения и направлении уголовного дела в суд или 2) о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков со своими письменными указаниями.

Решение прокурора об утверждении обвинительного заключения означает, что уголовное дело может быть представлено на рассмотрение суда. Это значит, что расследование произведено полно и всесторонне, следователь выявил всех лиц, совершивших расследуемое преступление, и собрал достаточную для их изобличения совокупность доказательств. Это

значит также, что уголовное дело расследовано с соблюдением требований уголовно-процессуального закона. Прокурор не может утвердить обвинительное заключение и направить уголовное дело в суд, если оно составлено с нарушением требований УПК, исключающим возможность постановления судом приговора или вынесения иного решения, или допущены иные нарушения, влекущие возвращение уголовного дела прокурору (ч. 1 ст. 237 УПК РФ). Поэтому прокурор на данном этапе должен иметь достаточные возможности для эффективного выполнения лежащей на нем в этот момент задачи. Однако полномочия прокурора по делам, поступившим с обвинительным заключением, то есть расследованными следователями, и по делам с обвинительным актом, расследованными дознавателями, различны. Рассмотрим по порядку.

Законом № 87-ФЗ от 05.06.07 г. полномочия прокурора на этом этапе досудебного производства, осуществляемого в форме следствия, были существенно ограничены. И хотя оставшихся у прокурора правовых средств обеспечения законности предварительного расследования на этапе принятия решения в целом достаточно для того, чтобы не допустить направления в суд некачественно расследованного уголовного дела, сравнение новой и старой редакций ст. 221 УПК РФ позволяет утверждать, что законодательные изменения произведены не в пользу прокурора.

Действовавшая до 07.09.07 г. редакция ст. 221 УПК РФ предусматривала гораздо более широкий спектр полномочий прокурора – он мог составить новое обвинительное заключение, прекратить уголовное дело или уголовное преследование в отношении отдельных обвиняемых полностью или частично, изменить объем обвинения либо квалификацию действий обвиняемого по уголовному закону о менее тяжком преступлении, дополнить или сократить список лиц, подлежащих вызову в суд, за исключением списка свидетелей со стороны защиты, – пользуясь которыми, прокурор мог без лишней волокиты, связанной с возвращением уголовного дела следователю, устранить недостатки обвинения, не требующие для этого дополнительного расследования.

Механизм устранения ошибок в определении объема обвинения и его юридической квалификации, предложенный новым законом, вполне соответствует тем ситуациям, когда обстоятельства дела исследованы неполно и, по мнению прокурора, свидетельствуют о совершении обвиняемым более тяжкого преступления или о наличии оснований для обвинения его и в других преступлениях. Расширение объема и усиление квалификации обвинения, естественно, требует предъявления его обвиняемому, а иногда совершения дополнительных следственных действий, то есть продолжения расследования, чего и добивается прокурор, возвращая уголовное дело следователю со своими письменными указаниями. В эту схему укладывается и право следователя возражать против указаний прокурора, обратившись через руководителя следственного органа к вышестоящему прокуро-

ру. Но при необходимости уменьшить объем обвинения, исключить из него отдельные эпизоды преступления, квалифицировать преступление как менее тяжкое такой механизм правового регулирования представляется неоправданным и неэффективным. Кроме того, он противоречит праву прокурора с соблюдением правила о недопустимости поворота к худшему вносить в обвинение изменения и даже отказаться от поддержания обвинения в той или иной части или полностью, то есть, по сути, прекратить уголовное преследование в любой из судебных стадий. Орган расследования, который не вправе препятствовать прокурору в распоряжении обвинением после утверждения обвинительного заключения, почему-то может создавать такие препятствия в момент его утверждения. Такое нелогичное и бессмысленное правовое регулирование представляется скорее досадной ошибкой законодателя, чем выражением его действительной воли. Прокурор не может утвердить обвинительное заключение, если он не согласен с тем, как орган следствия определил объем обвинения или квалификацию действий обвиняемых, как не может он быть принужден к поддержанию такого обвинения в суде. Прокурор не может быть поставлен в зависимость от позиции органа расследования, за деятельностью которого он надзирает. Однако даже намек на тенденцию к ослаблению роли прокурора в уголовном процессе таит в себе опасность и может иметь далеко идущие негативные последствия для нашей практики. Поэтому полагаю, что законодатель должен незамедлительно принять меры к исправлению допущенных ошибок, для чего, в первую очередь, восстановить право прокурора прекратить уголовное дело или уголовное преследование, изменить объем обвинения, квалификацию действий обвиняемых, пересоставить обвинительное заключение, внести изменения в список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание.

Исключение из ст. 221 УПК РФ последнего видится и вовсе лишеным смысла. Доказывающий обвинение в суде прокурор свободен в выборе средств и способов этой деятельности, самостоятелен в представлении и исследовании доказательств. Ни одно доказательство не может быть навязано прокурору, если он считает его недопустимым, недостоверным или не имеющим значения для дела. Представляется, что прокурор имеет право не только контролировать список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание, но и весь перечень доказательств, которые именно он, а не следователь представляет суду. Прежде всего, это касается права прокурора исключить из предстоящего судебного разбирательства доказательство, полученные с нарушением требований закона. Такие доказательства не могут быть положены в обоснование государственного обвинения, и прокурор обязан отказаться от их использования, тем более что ст. 88 УПК РФ дает ему право признать доказательство, полученное с нарушением закона, недопустимым, а недопустимое доказательство не подлежит включению в обвинительное заключение (обвинительный акт).

Право прокурора признать доказательство, полученное с нарушением закона, недопустимым, содержащееся в ст. 88, находящейся в главе о доказательствах, почему-то не нашло отражения в ст. 37 УПК РФ. Между тем надзорная функция прокурора нуждается в эффективных средствах, гарантирующих ее реализацию. Право прокурора потребовать устранения нарушения закона, выявленного при рассмотрении жалобы участника уголовного процесса на действия следователя или при изучении материалов уголовного дела, поступившего с обвинительным заключением, не является в рассматриваемой ситуации эффективным средством прокурорского реагирования. Следственное действие уже произведено, и результаты его зафиксированы в материалах дела. Единственной возможностью устранить допущенное при получении доказательства нарушение является отказ от его использования для доказывания обвинения, а это и есть исключение его из перечня доказательств, представляемых в суд. Поэтому если в ходе расследования прокурор в постановлении об устранении нарушений закона указывает на недопустимость доказательства, то это может означать только одно – требование не включать его в перечень представляемых в суд доказательств. Однако если следователь не выполнил этого требования, то прокурор вправе своим постановлением исключить такое доказательство из обвинительного заключения.

Прокурор не может утвердить обвинение, обоснованное доказательствами, полученными с нарушением закона. Однако исправление этого недостатка обвинительного заключения путем возвращения уголовного дела следователю представляется не только неэффективным, но и противоречащим характеру взаимоотношений следователя и прокурора.

Без одобрения прокурора предварительное следствие бессмысленно: следователь не может завершить расследование и направить дело в суд, минуя неизбежный этап контроля законности своей деятельности со стороны прокурора. Прокурор же вправе и обязан требовать от следователя устранения допущенных им нарушений процессуального законодательства, а также приведения сформулированного им обвинения в соответствие с собранными доказательствами. Ведь утвердив обвинительное заключение, он берет на себя ответственность за доказывание этого обвинения имеющимися в деле доказательствами в суде.

С этих позиций полномочия прокурора по делу, поступившему от органа дознания с обвинительным актом, дающие ему возможность без возвращения уголовного дела исправить допущенные ошибки в определении объема обвинения и квалификации действий обвиняемых, представляются более адекватными роли прокурора на этапе принятия решения о направлении уголовного дела в суд.

Ограничение прав прокурора на этапе принятия решения о направлении уголовного дела в суд путем утверждения обвинительного заключения не может быть оправданно общим духом закона №87-ФЗ, направленным

на более четкое распределение процессуальных функций между участниками уголовного процесса, в частности функций надзора и процессуально-го руководства расследованием. Руководство расследованием завершается, как и само расследование, принятием решения о том, что все возможные и необходимые следственные действия произведены, а собранные доказательства достаточны для составления обвинительного заключения. Решением прокурора о направлении дела в суд завершается и надзор за расследованием. Действия прокурора по уточнению или изменению объема обвинения либо юридической квалификации действий обвиняемых, равно как и прекращение уголовного дела или уголовного преследования, хотя и вытекают из его надзорных полномочий, находятся как бы за пределами надзора – они обусловлены предстоящей прокурору обвинительной деятельностью в суде. Изучив материалы уголовного дела и оценив перспективы доказывания, внося соответствующие изменения в объем обвинения и его квалификацию, прокурор тем самым завершает формирование государственного обвинения как предмета доказывания в предстоящем судебном разбирательстве. Задаче доказывания этого обвинения посвящена деятельность прокурора в суде.

ГЛАВА 4. ПРОКУРОР В СТАДИИ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА. ПОНЯТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ

Согласно ч. 3 ст. 37, ст. 246 УПК РФ, в ходе судебного производства по уголовному делу прокурор поддерживает государственное обвинение, обеспечивая его законность и обоснованность. Его участие в судебном разбирательстве уголовного дела является обязательным.

Ст. 5 УПК РФ не дает объяснения понятия государственного обвинения, ограничившись указанием на государственного обвинителя как на должностное лицо органа прокуратуры, от имени государства поддерживающее обвинение в суде. Между тем вопрос о том, что такое государственное обвинение, представляется важным, поскольку законодатель, как видим, гораздо чаще употребляет термин «обвинение» без прилагательного.

Отвлекаясь от известных дискуссий по вопросу о понятии обвинения, возникающих в силу его многозначности, сосредоточимся на том аспекте, который предопределен словосочетанием «поддержание государственного обвинения». Вполне очевидно, что в таком контексте обвинение – это «материально-правовое отражение тех уголовно наказуемых действий, по поводу которых ведется уголовный процесс»¹⁷, или обвинение в его материально-правовом смысле. Выраженное в соответствующем процессуальном документе, обвинение обретает характер утверждения о совершении лицом конкретного уголовно наказуемого деяния, или обвинительного тезиса, составляющего сердцевину предмета доказывания.

Выдвижение, формулирование и обоснование обвинения – задача органов предварительного расследования, выполнив которую следователь (дознатель) составляет обвинительное заключение (обвинительный акт), подписывает его и вместе с уголовным делом направляет прокурору. Решение об утверждении обвинительного заключения (обвинительного акта) и направлении уголовного дела в суд принимает прокурор. Как представляется, именно с этим моментом и связано возникновение государственного обвинения. Отказ прокурора утвердить обвинительное заключение (обвинительный акт), возвращение уголовного дела следователю (дознателю) для устранения выявленных при изучении дела недостатков не только означает, что уголовное дело не может быть направлено в суд, но и отказ в придании обвинительному заключению (обвинительному акту) статуса документа, выражающего официальную позицию обвинительной власти.

Таким образом, государственное обвинение – это основанный на собранных в процессе расследования доказательствах, сформулированный органом расследования и утвержденный прокурором вывод о совершении обвиняемым уголовно наказуемого деяния. Государственное обвинение в отличие от обвинения, содержащегося в процессуальных решениях следователя (дознателя), исходит от государства в лице прокурора, официаль-

но представляющего в уголовном судопроизводстве государственную обвинительную власть.

Такое представление о государственном обвинении отражает как характер взаимоотношений субъектов уголовного преследования, то есть органов расследования и прокурора, так и цель предварительного расследования, честно и четко сформулированную Приказом Генерального прокурора РФ №39 от 5 июля 2002 года¹⁸. Конечная цель уголовного преследования – изобличение лиц, виновных в совершении преступления, и привлечение их к уголовной ответственности, а органы прокуратуры должны так организовать свою деятельность, чтобы максимально обеспечить ее достижение. Уголовное преследование совершивших преступление лиц под надзором прокурора осуществляют органы предварительного расследования. Поэтому предварительное расследование, направленное на раскрытие преступления, выявление и изобличение виновного в его совершении лица, является, по сути, формой уголовного преследования, а его основная задача как этапа досудебного производства состоит в том, чтобы создать фундамент для продолжения прокурором уголовного преследования в суде.

Утверждая обвинительное заключение (обвинительный акт), составленный органом предварительного расследования по итогам своей деятельности, прокурор придает изложенному в нем обвинению силу и значение государственного обвинения. Одновременно с этим прокурор принимает и решение о направлении уголовного дела, то есть государственного обвинения и подтверждающих его материалов, в суд как единственный орган государственной власти, полномочный признать лицо виновным и возложить на него уголовную ответственность. Таким образом, государственное обвинение можно определить как адресованное суду официальное требование обвинительной власти о возложении на обвиняемого уголовной ответственности и наказания.

Производство в суде первой и следующих инстанций представляет собой совершенно иную форму уголовно-процессуальной деятельности, чем в досудебном производстве. Здесь властвует суд, а прокурор – лишь одна из равноправных сторон, которая продолжает начатое органами расследования уголовное преследование. Однако если, говоря о прокуроре как участнике судебного разбирательства, УПК называет его государственным обвинителем, то вопрос о статусе прокурора в других судебных стадиях уголовного процесса не столь ясен.

Как представляется, прокурор играет роль государственного обвинителя во всех судебных стадиях уголовного процесса, хотя прямо об этом в УПК и не сказано. Однако если рассматривать характер вопросов, решаемых судом в стадии назначения судебного заседания, становится ясно, что задача прокурора, участвующего в предварительном слушании, состоит в том, чтобы не допустить исключения из предстоящего судебного разбирательства доказательств, о недопустимости которых заявила сторона защи-

ты, прекращения уголовного дела или возвращения его прокурору. Деятельность прокурора в предварительном слушании направлена на то, чтобы убедить суд в наличии оснований для рассмотрения уголовного дела, по существу, с тем, чтобы получить возможность доказывать виновность подсудимого, то есть осуществлять государственное обвинение. И хотя ст. 234 УПК РФ не говорит об обязательности участия прокурора в предварительном слушании, на практике не вызывает сомнений, что без участия прокурора предварительное слушание невозможно. Так, ч. 5 ст. 234 УПК РФ предусматривает возможность выяснить у стороны обвинения, нет ли у нее возражений против ходатайства об исключении доказательств, а, согласно ч. 4 ст. 235, бремя опровержения доводов, представленных стороной защиты в обоснование утверждения о недопустимости обвинительных доказательств, лежит на прокуроре. Согласно ч. 5 ст. 236, прокурор вправе в ходе предварительного слушания изменить обвинение. Естественно, выполнение этих полномочий требует участия прокурора в предварительном слушании.

В необходимых случаях прокурор продолжает свою обвинительную деятельность и после вынесения судом приговора, добиваясь его отмены или опровергая доводы настаивающих на отмене приговора других участников уголовного процесса. Поэтому не только в судебном разбирательстве уголовного дела судом первой инстанции, но и при рассмотрении уголовного дела судами апелляционной и кассационной инстанций прокурор выступает в роли государственного обвинителя. Эту роль прокурор играет и после вступления в законную силу оправдательного приговора, добиваясь его отмены, а также обвинительного приговора, оспариваемого им по мотивам, ухудшающим положение осужденного.

Статус **государственного обвинителя** существенно меняет роль прокурора в судебных стадиях. Государственный обвинитель в суде утрачивает свои властно-распорядительные полномочия, его права здесь равны правам других участвующих в судебных заседаниях лиц – заявлять ходатайства, представлять доказательства и участвовать в их исследовании, высказывать свое мнение по всем обсуждаемым в судебном заседании вопросам. Властными полномочиями в этих стадиях обладает только суд, решения которого обязательны и для государственного обвинителя. В то же время участвующий в судебном разбирательстве и следующих стадиях прокурор своими решениями оказывает существенное влияние на объем и пределы исследования доказательств, на исход судебного разбирательства. Государственный обвинитель вправе в любой момент изменить обвинение в благоприятную для обвиняемого сторону, отказаться от обвинения, как в определенной части, так и полностью. Изменение обвинения прокурором влечет и изменение пределов дальнейшего судебного разбирательства. Полный или частичный отказ прокурора от обвинения в ходе судебного разбирательства влечет за собой прекращение уголовного дела или уго-

ловного преследования полностью или в соответствующей части (ч. 7 ст. 246 УПК РФ). Такое правило обусловлено положениями ч. 1 ст. 252 УПК РФ: судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и только по предъявленному ему обвинению, что в полной мере соответствует концепции уголовного иска: «*nemo iudex sine actore*» – «нет судьи без истца».

Рассмотрим подробнее полномочия прокурора в стадии судебного разбирательства, реализуя которые он решает задачу обоснования обвинения, то есть выполняет возложенную на него в силу презумпции невиновности обязанность.

При полной или частичной недоказанности, а также сомнительности обвинения защита вправе рассчитывать на вынесение судом оправдательного приговора либо, соответственно, на признание подсудимого виновным в менее тяжком преступлении, чем ему вменяли органы расследования, поэтому суд вправе устанавливать виновность лица лишь при условии, если доказывают ее органы и лица, осуществляющие уголовное преследование. Поэтому если органы уголовного преследования не смогли доказать виновность обвиняемого в полном объеме, это должно приводить к постановлению в отношении обвиняемого оправдательного приговора или обвинительного приговора, констатирующего виновность обвиняемого в менее тяжком преступном деянии.

Основная деятельность прокурора в суде связана с представлением и исследованием им доказательств обвинения, а также с исследованием и опровержением доводов стороны защиты.

Судебное разбирательство основано на принципе непосредственности исследования судом всех доказательств, на которые ссылаются участники процесса, поэтому представленные суду материалы уголовного дела не могут быть использованы для обоснования обвинения, если не будут исследованы в судебном следствии. Представляя доказательства, прокурор допрашивает свидетелей и потерпевших, а также экспертов, оглашает с разрешения суда документы, представляет для осмотра вещественные доказательства. Как обязанная осуществлять доказывание сторона прокурор представляет свои доказательства первым, то есть не только определяет очередность их представления суду, но и первым задает вопросы тем свидетелям, потерпевшим, экспертам, которые вызваны в суд по его ходатайству, в том числе по списку лиц, указанному в обвинительном заключении (обвинительном акте). Прокурор должен так организовать допрос своих свидетелей, чтобы они в своих показаниях изложили суду те сведения, которые позволяют прокурору обосновать обвинение.

Состязательность уголовного судопроизводства, ставящая суд в положение беспристрастного арбитра, не позволяет прокурору рассчитывать на помощь суда в допросе свидетелей и потерпевших, и то, что они не скажут в судебном заседании, не будет использовано судом для обоснования при-

говора. Поэтому прокурор должен тщательно подготовиться к судебному следствию, продумать тактику и составить план допроса каждого свидетеля и потерпевшего, предусмотреть возможность изменения ими показаний в суде и заранее сформулировать вопросы, которые помогут ему напомнить свидетелю его гражданский долг. В необходимых случаях прокурор вправе заявить ходатайство об оглашении в судебном заседании протоколов допросов свидетелей и потерпевших, если их показания в суде имеют существенные противоречия с теми, которые были получены в ходе предварительного расследования. Суд вправе удовлетворить такое ходатайство даже без согласия стороны защиты. Сложнее обстоит дело с возможностью оглашения в суде показаний неявившихся свидетелей, поэтому прокурор должен принимать меры к явке в судебное заседание тех свидетелей, в допросе которых он заинтересован, хотя обязанность прокурора обеспечить явку свидетелей законом не предусмотрена.

Прокурор вправе не только огласить с разрешения суда заключение эксперта, но и заявить в судебном заседании ходатайство о назначении экспертизы, в том числе повторной или дополнительной, а при осмотре вещественных доказательств – обращать внимание суда на существенные, с его точки зрения, обстоятельства. Если прокурор видит, что суд испытывает затруднения в восприятии событий, связанных с определенной местностью, он должен заявить ходатайство об осмотре местности, помещений. Не следует забывать о возможности опознания и освидетельствования непосредственно в судебном заседании.

В некоторых случаях прокурору приходится представлять суду дополнительные доказательства, в частности документы, полученные после направления уголовного дела в суд без проведения следственных действий, например, свидетельствующие о смерти или тяжком заболевании свидетеля при обосновании ходатайства об оглашении протокола его допроса в ходе следствия. Вправе прокурор ходатайствовать перед судом о вызове и допросе дополнительных свидетелей, о существовании которых ему стало известно непосредственно в суде.

Представляя доказательства, государственный обвинитель должен учитывать участие в судебном заседании второй стороны, которая также вправе задавать свидетелю обвинения любые вопросы и может получить на них иные, чем на вопросы прокурора, ответы. Закон не запрещает прокурору повторно допрашивать свидетеля, однако такой допрос не должен носить характера давления на свидетеля, ибо это способно произвести на судей негативное впечатление.

Особенно тщательно прокурор должен подготовиться к допросу подсудимого, независимо от того, признает ли он себя виновным в совершении преступления.

Подсудимый с точки зрения закона является свидетелем защиты, и, хотя он вправе давать показания в любой момент судебного заседания,

первым его допрашивает защитник, выстраивая своими вопросами избранную им линию защиты. Однако государственный обвинитель, заинтересованный в том, чтобы разрушить версию защиты, должен суметь поставить перед подсудимым такие вопросы, ответ на которые может продемонстрировать суду ложность, неискренность показаний, неуверенность ответа и т.п.

Критическому допросу прокурор должен подвергнуть свидетелей, допрашиваемых по ходатайству защиты, если их показания противоречат доказательствам обвинения или тем показаниям, которые они давали в ходе предварительного следствия. Особенно внимательно следует отнестись к свидетелям, опровергающим обвинение, предоставляющим подсудимому алиби, впервые появившимся в суде, а также к неизвестно откуда взявшимся документам, предметам. Прокурор должен тщательно выяснять происхождение доказательств защиты и при неустранимых сомнениях заявлять суду возражения против их исследования или ходатайства об исключении их как недопустимых доказательств. Необходимо внимательно следить и за вопросами, формулируемыми другими участниками процесса, в том числе стороной защиты, и высказывать свои возражения до того, как будет дан ответ, по тем из них, которые носят наводящий или провокационный характер, заданы в некорректной форме.

Некоторые особенности имеет участие государственного обвинителя в суде, рассматривающем уголовное дело с участием присяжных заседателей. Здесь прокурор имеет право участвовать в формировании коллегии присяжных заседателей, заявлять кандидатам в присяжные как мотивированные, так и немотивированные отводы, однако, в основном, специфика участия прокурора в суде присяжных касается тактики судебного следствия, требует хорошего знания обстоятельств дела и более серьезной подготовки к участию в судебном заседании.

Активность прокурора в представлении и исследовании доказательств – залог успешного выполнения стоящих перед ним задач и формирования базы для заключительного выступления в прениях сторон.

ГЛАВА 5. ОБВИНИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ ПРОКУРОРА

5.1. Понятие и значение обвинительной речи. Обвинительная речь – это речь государственного обвинителя, в которой он доказывает суду виновность подсудимого в совершении преступления. Значение обвинительной речи связано с целями и задачами прокурора в судебном разбирательстве, вытекающими из его процессуальной функции. При всей спорности вопроса о функции прокурора в уголовном процессе обвинительная направленность его деятельности в суде не вызывает сомнения. Являясь органом уголовного преследования и обеспечивая присущими ему методами законность предварительного расследования, прокурор является в суд для того, чтобы доказать обоснованность предъявленного подсудимому обвинения. Его задача в судебном заседании, следовательно, заключается в том, чтобы убедить суд в том, что обвинение основано на полученных законным способом доказательствах, которых достаточно для постановления обвинительного приговора. Во многом эта задача решается прокурором именно в обвинительной речи.

Обвинительная речь – это кульминация всей предшествующей деятельности прокурора, в ней в окончательном виде формулируется государственное обвинение и выражается адресованное суду требование о признании подсудимого виновным и наказании. Обосновывая обвинение перед судом, разворачивая перед ним цепь уличающих обвиняемого доказательств, прокурор способствует формированию у судей внутреннего убеждения в виновности подсудимого, необходимого для принятия правильного решения по делу.

Обвинительная речь прокурора должна быть **аргументированной**, то есть обоснованной доказательствами, исследованными в ходе судебного следствия. Требование доказанности в равной мере относится ко всем выводам и предложениям прокурора: о виновности подсудимого, о квалификации его действий, о характеристике личности, о заявленном гражданском иске, о причинах совершения преступления. Все то, что доказательствами не подтверждается, из обвинения должно быть исключено. Являясь **государственным** обвинителем, прокурор обязан устранить все ошибки, допущенные в стадии предварительного расследования. Необоснованное обвинение не способствует возникновению доверия к позиции прокурора, умаляет его авторитет. Следует помнить, что убеждающим воздействием обладает не собственная убежденность прокурора, но та совокупность доказательств, на которых его убеждение основано. Как бы ни был красноречив прокурор, любое его слово, не подтвержденное доказательствами, оприми.

Обвинительная речь должна быть **объективна**. Объективность связана с аргументированностью, ибо означает, что высказываемые прокурором положения основаны на материалах дела. Вместе с тем требование объек-

тивности имеет самостоятельное значение. Объективная речь всегда аргументирована, но не всякая аргументированная речь объективна. Для того чтобы обвинительная речь была признана объективной, она должна не просто опираться на доказательства, но опираться *на все* доказательства, в том числе учитывать и те, которые противоречат обвинительной версии или опровергают обвинение. Прокурор не вправе исказить содержание доказательств или обойти молчанием те факты, которые противоречат его позиции и невыгодны с точки зрения обвинения. Прокурор не вправе обвинять «во что бы то ни стало», защищая «честь мундира», прикрывая огрехи следствия, не выявленные им в стадии расследования. Не случайно А.Ф. Кони называл прокурора *публично говорящим судьей*, что означает не выполнение им общей с судьей функции, но то, что прокурор не вправе быть менее объективным и менее справедливым, чем судья. Провозгласив приоритет человеческой личности, Конституция РФ (ст. 2) возложила на государство в лице его органов обязанность признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина (ст. 18) и гарантировала каждому государственную защиту его интересов (ст. 45). Представляя в уголовном процессе обвинительную власть государства, прокурор защищает не только общественные интересы как таковые, но и интересы отдельной личности, являющиеся важной частью общественного интереса. Необъективность прокурора означает, что он настаивает на незаконном и необоснованном приговоре, а это извращает сущность прокуратуры как государственного органа, призванного обеспечить в стране соблюдение законности и защиту прав человека.

Обвинительная речь должна быть **содержательной и конкретной**. Хорошо известны слова А.Ф. Кони: «Лучше ничего не сказать, чем сказать ничего». Конкретная речь всегда содержит четкое указание на то, в каких именно действиях обвиняется подсудимый, какие обстоятельства нуждаются в обосновании для того, чтобы вина подсудимого была установлена, и какими доказательствами эти обстоятельства подтверждаются. Обвинительная речь не может состоять из общих рассуждений и ничего не значащих фраз. Цветами красноречия не заменить скрупулезного, детального анализа доказательств и строгого, последовательного изложения фактов.

Требование конкретности не означает, что в обвинительной речи неуместны никакие общие рассуждения. Напротив, они часто не только украшают обвинительную речь, но и придают ей убедительность, необходимые для правильного понимания сути обвинения, если только связаны с обстоятельствами дела. Рассуждения о ценности и неповторимости человеческой жизни, например, уместны по делу об убийстве, они показывают общественную опасность этого преступления. Рассуждения об общих целях уголовного наказания помогают обосновать нравственную и юридическую оправданность предлагаемой прокурором меры наказания. Вопросы психологии полезны для обоснования оценки показаний того или иного лица.

Обвинительная речь должна соответствовать требованиям **нравственности**, она может быть и страстной, и пылкой, но не должна быть раздраженной, не должна свидетельствовать о личной неприязни прокурора к подсудимому. При анализе картины преступления, описании личности подсудимого, его взаимоотношений с потерпевшим, тем более при исследовании интимных обстоятельств жизни, необходимы такт и чувство меры. Личное благородство оратора является куда более сильным средством убеждения, чем бранные слова в адрес противника. Требование **нравственной допустимости** ораторских приемов, безусловно, относится ко всем выступающим в прениях, однако прокурор, представляя государство всей своей деятельностью, в том числе и речью, должен свидетельствовать, что в обвинении подсудимого с его стороны нет ничего личного, что такие требования, которые предъявлены к подсудимому, государство предъявляет к любому гражданину.

5.2. Содержание обвинительной речи прокурора. Практически вся литература, посвященная рассматриваемому вопросу, предписывает оратору в своем выступлении изложить общественно-политическую оценку дела, фактуру преступления, анализ и оценку доказательств, обоснование квалификации преступления, характеристику личности подсудимого и потерпевшего, соображения по поводу меры наказания и причин, способствовавших совершению преступления. Вместе с тем почти все пишущие на эту тему отмечают, что речь не должна быть шаблонной или стереотипной, однако вышеприведенная структура речи и есть шаблон, избежать которого можно, лишь предоставив оратору право самостоятельно определять содержание и структуру своего выступления, подчиняя их преследуемым в данном процессе целям и исходя из конкретных особенностей рассматриваемого дела.

В обвинительной речи, конечно, присутствуют названные компоненты, однако все ее содержание направляется на обоснование виновности подсудимого в совершении преступления, правильности предъявленного ему обвинения, его законности и обоснованности. Виновность подсудимого – главный элемент обвинительной речи, подчиняющий себе все ее остальное содержание и предопределяющий ее структуру. Но что значит – доказать обоснованность предъявленного обвинения? Когда предъявленное подсудимому обвинение может считаться доказанным? Очевидно, когда совокупность имеющихся в деле доказательств позволяет категорически утверждать, что в действиях подсудимого имеется состав преступления. Охватывая как фактическую, так и юридическую стороны деяния, состав преступления выражает его объективную и субъективную стороны. Доказывание состава преступления означает обоснование утверждения, что подсудимый совершил вмененное ему деяние, что это деяние является общественно опасным, то есть нарушающим определенные общественные отношения и потому запрещенным законом под страхом наступления уго-

ловной ответственности, и что подсудимый совершил его умышленно или по неосторожности, то есть виновен. Столь сложная структура состава преступления требует скрупулезного анализа фактических обстоятельств дела и доказательств, относящихся к каждому из его элементов, поэтому простого перечисления доказательств и изложения их содержания, подобно тому, как это делают следователи при составлении обвинительного заключения, недостаточно. Если прокурор говорит: «Вина подсудимого доказана показаниями потерпевшей, из которых следует, что она обнаружила исчезновение из шкафа хранившихся там денег», то он допускает достаточно распространенную на практике ошибку. Приведенные показания потерпевшей могут служить лишь доказательством факта исчезновения определенной суммы денег, то есть подтверждать один из элементов объективной стороны состава преступления, да и это обстоятельство еще нуждается в проверке и сопоставлении с другими доказательствами, однако по отношению к вине подсудимого это доказательство индифферентно. Точно так же лишены доказательственного значения встречающиеся в прокурорской практике утверждения о том, что подсудимый уличается в совершении преступления актом судебно-медицинского исследования трупа, из которого следует, что смерть наступила в результате, например, рефлекторной остановки сердца, или о том, что вина подсудимого подтверждается протоколом осмотра места происшествия или обыска. Каждое из этих доказательств устанавливает какой-либо факт, находящийся в определенной связи с другими фактами. Доказывание вины подсудимого в совершении преступления заключается в выявлении этой связи, что требует не просто перечисления доказательств, но их скрупулезного анализа. К примеру, в деле может содержаться большое количество доказательств, подтверждающих факт пропажи денег, но ни одного, свидетельствующего о присвоении их обвиняемым.

Причиной необидительных речей обвинителей часто становится неумение анализировать доказательства, делать логически обоснованные выводы из подтвержденных ими промежуточных фактов. Главный вопрос, который прокурор, поддерживая обвинение, решает для себя, – это вопрос о том, какие факты должны быть им доказаны для того, чтобы у суда не осталось сомнений в том, что подсудимый виновен в совершении преступления.

Возьмем для примера уголовное дело по обвинению С. в убийстве своей жены З. В ходе расследования было установлено, что С., за два месяца до происшествия вступивший в зарегистрированный брак с З., праздновал наступление Нового года вместе с ней, ее подругой Л. и мужем подруги в принадлежащем ему частном доме. Утром 1 января между присутствовавшими в доме возникла ссора на почве ревности, испытываемой С. по отношению к своей жене и мужу Л., в ходе которой З. был нанесен удар ножом в область сердца, от которого она и умерла. С. было предъявлено обвинение в умышленном убийстве.

Для обоснования вины С. в совершении преступления прокурор должен был доказать:

- наличие у С. мотива к убийству, то есть ревности;
- отсутствие мотива к убийству у Л. и ее мужа;
- отсутствие у З. мотива к самоубийству;
- физическую невозможность самоубийства;
- ложность показаний С., а для этого – время наступления смерти и наличие инсценировки обстоятельств преступления и т.д.

Группировка доказательств вокруг этих обстоятельств позволила прокурору убедительно обосновать вывод о совершении обвиняемым, отрицающим свою причастность к смерти жены, преступления.

Таким образом, нельзя доказывать виновность подсудимого в целом, для этого необходимо обосновать ряд тезисов, закономерно приводящих к основному выводу. Иногда требуется доказывать, что инкриминируемое подсудимому деяние имело место, иногда, что это деяние содержит состав преступления или что его совершил именно подсудимый. В других случаях требуется доказать наличие умысла или обосновать неосторожность.

Разумеется, задача обвинения решается проще в делах, где имеются прямые доказательства совершения преступления определенным лицом. В таких случаях основная задача обвинителя сводится к обоснованию достоверности обвинительных доказательств. При этом нельзя забывать, что совершение лицом общественно опасного деяния возможно и при отсутствии вины, поэтому субъективная сторона преступления – всегда предмет особой заботы обвинителя.

Обвинение может быть построено и по иной схеме. Например, в случае наличия у подсудимого алиби одним из важнейших элементов обвинительной речи является его опровержение, а в случае признания подсудимым вины – обоснование добровольности такого признания, соблюдения органами расследования прав обвиняемого. Иногда для обоснования виновности одного подсудимого прокурор должен доказать невиновность другого.

Такой способ доказывания мне пришлось использовать много лет назад при осуществлении обвинения по делу А. и П., совершивших в ночное время разбойное нападение на гражданина Борисова, в ходе которого ему был нанесен удар ножом, приведший к смертельному исходу. Борисов не был допрошен, так как, несмотря на сделанную ему операцию, умер, однако, придя ненадолго в себя, он успел рассказать об обстоятельствах убийства своей матери. По словам матери, удар ножом был нанесен старшим из нападавших, одетым в пиджак. Старшим был А. – ему на момент совершения преступления исполнился 31 год, и он был уже трижды судим, в том числе и за совершение разбойного нападения, сопряженного с вовлечением в него малолетнего. Именно он в тот вечер был одет в пиджак. П. на момент совершения преступления исполнилось 15 лет, и одет он был в белую

рубашку. А. своей вины не признавал, а в судебном заседании оба подсудимых утверждали, что А. передал свой пиджак П., который и нанес потерпевшему роковой удар ножом.

Для доказывания вины А. в умышленном убийстве значительную часть речи пришлось посвятить обоснованию невиновности П., а для этого необходимо было показать суду, что его признание вины – самооговор. Это, в свою очередь, потребовало обоснования мотива самооговора (в суде П. заявил: «Все равно мне больше десятки не дадут»); допустимости и достоверности производного доказательства – показаний матери потерпевшего (она была следователем допрошена раньше, чем произошло задержание подозреваемых); необидительности показаний П. (он не мог описать нож, которым был нанесен удар, сказать, где взял и куда его затем выбросил); их противоречивости (первоначально П. изобличал в совершении убийства А.), сравнить и оценить данные о личности обоих подсудимых.

Обвинительная речь может быть построена на основе данных о личности подсудимого или потерпевшего или на их противопоставлении. Во главу угла могут быть положены причины, которые привели к преступлению и т.п. Выбор способа изложения материала зависит от того, какую цель избрал обвинитель в качестве непосредственной. Поэтому заранее рекомендовать прокурору определенную структуру речи не только нецелесообразно, но и не нужно, и даже вредно. Структура речи, ее композиция определяются логикой доказывания, избранной прокурором стратегией. Нельзя загонять живую речь в жесткие рамки. Не случайно уголовно-процессуальный закон (ч. 5 ст. 246 УПК РФ) указывает на обязанность государственного обвинителя представить суду свое мнение по существу обвинения, предложения о применении уголовного закона и назначении наказания в самом общем виде. Как, каким путем прокурор придет к обоснованию обвинения, зависит от избранной им стратегии и тактики, которая в конечном итоге predetermined обстоятельствами конкретного дела и творчеством оратора.

Сказанное не означает, что в речи прокурора нет места оценке преступления с точки зрения его общественной опасности, анализу причин и условий, способствовавших совершению преступления, но разбор любых, в том числе и этих, обстоятельств должен быть подчинен основной цели обвинительной речи. Если по делу нет спора о вине, то со всей остротой может встать вопрос о целесообразности применения к подсудимому меры уголовной репрессии, о необходимости применения наиболее строгой или даже исключительной из предусмотренных законом мер наказания. В таком случае не исключено, что центр тяжести обвинительной речи придется на обоснование опасности преступления, демонстрацию его последствий, степени причиненного общественным и личным интересам вреда. Значительного внимания в этом случае заслуживает личность подсудимого. А там, где прокурор полагает возможным смягчение уголовной ответствен-

ности, его речь направляется на изобличение общественных пороков, которые привели к совершению преступления и по поводу которых суд по предложению прокурора вправе вынести частное определение (ч. 4 ст. 29 УПК РФ).

Точно так же самостоятельно и творчески, руководствуясь внутренней логикой обвинительной речи, прокурор избирает последовательность изложения своих доводов. Однако представляется, что фабула государственного обвинения прокурором должна излагаться во всех случаях. Излагая фабулу обвинения, прокурор одновременно сообщает и план своего выступления, то есть определяет, на что будет направлено его внимание. Если в ходе судебного следствия обстоятельства дела претерпели изменения, прокурору следует акцентировать на этом внимание, показав, каков был характер и объем государственного обвинения в начале судебного разбирательства и в какой части он намерен поддерживать его в настоящий момент. Возможно, что уже при изложении фабулы обвинения потребуются приведение доказательств, если спор вызывает ее преступный и уголовно наказуемый характер (например, имело место убийство или самоубийство).

Доказав наличие события преступления, следует обосновать его состав, то есть сразу же дать его юридическую квалификацию и лишь потом переходить к изложению доказательств, подтверждающих совершение преступления подсудимым. Однако если спорной является именно квалификация деяния, а не участие в нем подсудимого, последовательность изложения аргументов может быть изменена. Бесспорно установленное всегда целесообразнее излагать ранее спорного – тогда на него можно опереться в своих рассуждениях, использовать как логическое основание для последующих выводов.

Совершенно очевидно, что нельзя заранее указать, в какой момент выступления прокурор должен сообщить суду свой взгляд на общественную опасность преступления и нужно ли ему будет это делать вообще. Преступление может не иметь большого общественного значения, однако его общественная опасность, как предусмотренного уголовным законом деяния, слишком очевидна, чтобы говорить о ней без необходимости обосновать тот или иной вид наказания или его конкретный размер. Однако там, где это необходимо, для демонстрации значимости рассматриваемого дела можно привлечь данные о распространенности этого вида преступления в соответствующем регионе, о низменности мотивов, которыми руководствовался подсудимый, и т.п. Для обоснования особой общественной опасности преступления можно использовать данные о страданиях потерпевшего и наличии отдаленных вредных последствий. Общественная опасность преступления может проявиться в породивших его причинах, в каких-то негативных явлениях общественной жизни, сопровождающих преступление, поэтому ее изложение может совпасть с характеристикой соответствующих элементов обвинительной речи. Рекомендации о струк-

турном содержании речи приводят лишь к искусственному вычленению какого-либо элемента речи из контекста, лишают речь естественной стройности и логичности.

Сказанное относится и к характеристике подсудимого как элементу обвинительной речи. Она может прозвучать в обвинительной речи в разных аспектах: для усиления аргументации об общественной опасности преступления, для обоснования необходимости назначения подсудимому того или иного наказания, избрания конкретного его размера и необходимости его реального отбывания, для обоснования мотива преступления.

5.3. Характеристика отдельных элементов речи прокурора. Важнейшим элементом обвинительной речи является анализ доказательств. Определив стратегию своей речи, план доказывания виновности подсудимого, прокурор в обоснование каждого из своих выводов должен взять только такие доказательства, которые не вызывают сомнения в своей допустимости и достоверности. Верным может быть только тот вывод, который вытекает из верных посылок. В обвинительной речи анализу и оценке подвергается как каждое отдельное доказательство, так и все доказательства в совокупности.

Прежде всего, детальному разбору подлежат показания подсудимого, независимо от того, признает ли тот свою вину. Несмотря на то что показания подсудимого являются лишь одним из видов доказательств, не имеющим по сравнению с другими ни большей, ни меньшей силы, они не утрачивают своего особого значения, определяемого тем, что, по версии обвинения, подсудимый – главный и непосредственный участник преступления, он лучше, чем кто-либо другой, знаком с обстоятельствами его совершения и, следовательно, может дать о нем наиболее полную информацию. Показания подсудимого – важнейшее средство его защиты, поэтому ни орган уголовного преследования, ни суд не вправе игнорировать его объяснения, лишая возможности защищаться. Показания подсудимого должны быть тщательно проверены и сопоставлены с другими доказательствами и в зависимости от их содержания либо использованы для обоснования обвинения, либо опровергнуты.

Задача прокурора значительно упрощается, если подсудимый признает себя виновным в совершении преступления, однако, помня об известном правиле оценки этого вида доказательства, прокурор обязан обосновать правдивость этих показаний, добровольность сделанного признания, его соответствие иным доказательствам. При отрицании подсудимым вины у прокурора есть два варианта речевого поведения. Он может обойти молчанием позицию подсудимого и доказать его вину с помощью других доказательств; ложь подсудимого, таким образом, становится очевидной и в опровержении не нуждается. При втором варианте обвинитель шаг за шагом опровергает показания подсудимого, показывает суду их надуманность и противоречивость. Возможно использование и обоих приемов одновременно.

Используем в качестве примера указанное ранее уголовное дело по обвинению С. в убийстве его жены.

В судебном заседании С. утверждал, что, войдя в кухню, увидел кровь на груди своей жены. Поняв, что что-то произошло, возможно, самоубийство, а возможно, и убийство – подруга жены Л. в одной сорочке стоит рядом и держит раненую за руку, выскочил во двор и стал заводить машину, чтобы доехать до телефона-автомата и вызвать «скорую помощь». Был сильно обеспокоен состоянием жены, поэтому не стал к ней подходить (трагить время), а сразу бросился к машине. Выехав со двора, в 70 метрах от калитки впереди машины увидел идущих от дома супругов Л., полностью одетых в зимнюю одежду. На вопрос суда ответил, что не видел, как они прошли мимо него.

Все эти показания с учетом обстоятельств дела выглядели совершенно неубедительно. Прокурору достаточно было задать риторический вопрос: что сделает любой муж, увидев жену раненой? Что делает любой человек в подобной ситуации? Разве не естественно спросить, что случилось, попытаться помочь, поднять на руки, положить на диван, перевязать? Поведение С., им самим описанное, противоречит элементарным психологическим законам, здравому смыслу, логике. Возможные контраргументы защиты о том, что С. только что застал жену в двусмысленной, как он утверждает, позе с посторонним мужчиной, гостем, мужем подруги, и требовать от него в такой ситуации заботы о жене – противоестественно, опровергаются его собственными словами: куда же бросился С., увидев раненую жену? За помощью. Но это значит, что его раздражение против жены прошло, а сострадание проснулось. Допустим. Но как тогда объяснить слова С. о том, что, увидев уходящую вместе с мужем подругу, он решил, что жене стало лучше? Настолько лучше, что подруга оставила ее одну с ножевым ранением? Но если так, то чем объяснить его слова, зафиксированные дежурной Станции скорой помощи: «Пырнула себя ножом, умирает»? Где же правда?

Обратимся к другой части показаний С. Вот он видит, что Л. стоит на кухне раздетая, в одном белье, даже описывает его рисунок и расцветку. Спустя минуты он же видит ее впереди себя, за 70 метров от дома, полностью одетой по зимнему времени в пальто и сапоги. На вопрос суда С. отвечает, что двигатель его автомашины, несмотря на зимнее время, завелся сразу, значит, прошло совсем мало времени – когда же Л. успела одеться и уйти так далеко?

Еще момент. С. утверждает, что вышел из дома первым, Л. оставалась с женой. Каким образом она вышла на дорогу раньше С.? Он говорит, что не видел, как Л. с мужем прошли мимо него, но нарисованный им же план двора явно говорит о том, что пройти можно только по той дорожке, где стояла машина, вплотную к машине, так как вся остальная территория занесена снегом. Пройти больше нигде, но и незамеченным пройти нельзя.

Так шаг за шагом государственным обвинителем анализируются и опровергаются показания обвиняемого.

Достаточно распространенным в практике является отказ подсудимого от показаний, данных им в ходе предварительного расследования. Делая такие заявления, подсудимый, как правило, ссылается на давление со стороны органов расследования, нарушение права на защиту, плохое самочувствие на допросе и подобные обстоятельства. Дать этим заявлениям оценку достаточно сложно, поскольку нарушения прав обвиняемых и подозреваемых на практике имеют место и формальное наличие протокола, подписанного обвиняемым, не всегда свидетельствует о соблюдении его прав. Лучшим оружием против таких заявлений является изобличение обвиняемого другими доказательствами, наличие которых убеждает в отсутствии у органа расследования мотивации к недобросовестному склонению обвиняемого к признанию вины. Тем самым косвенным образом подтверждается и правдивость показаний, которые были получены от обвиняемого на следствии.

Для того чтобы правильно оценить правдивость показаний обвиняемого, следует понять, чем мотивировано их изменение. По делу Р. и других, обвинявшихся в изнасиловании и убийстве несовершеннолетней, один из подсудимых – С. в суде неожиданно заявил, что Р. не насиловал потерпевшую и не приказывал ее убить. Исследование доказательств в суде установило, что Р. перед своим арестом собирался жениться на сестре С. и уже жил с ней на правах мужа. Это обстоятельство, в совокупности с данными о возрасте С. (15 лет) и Р. (19 лет), с учетом руководящей роли Р. в совершении преступления и информации о том, что во время перевозки подсудимых из следственного изолятора в суд они имели возможность общаться между собой, позволило оценить изменение С. показаний как желание помочь Р. избежать ответственности.

Важное место в обвинительной речи занимают свидетельские показания. Прокурор должен уметь отличать правду от лжи, различать преднамеренное и ненамеренное искажение свидетелями действительности. В классическом смысле слова свидетель – это лицо, не причастное к совершению преступления, а следовательно, объективное. Однако таких свидетелей бывает не так уж и много. Многие свидетели состоят в родственных отношениях с обвиняемым или потерпевшим, имеют с ними дружеские или приятельские связи, а некоторые так или иначе причастны к совершению преступления. Даже не заинтересованные в исходе дела свидетели могут иметь недостатки органов чувств или плохую память. Наконец, на показаниях свидетелей отражаются объективные закономерности протекания познавательных процессов – ощущений, восприятия, запоминания и забывания. Взятые вместе эти причины делают свидетельские показания весьма уязвимым доказательством.

Редкий свидетель говорит абсолютную правду, ни в чем не ошибаясь и не заблуждаясь, так же как и редкий свидетель говорит абсолютную ложь. В его показаниях всегда содержится полезная с точки зрения интересов обвинения информация, а знание психологии человека, особенностей протекания познавательных процессов поможет правильно ее оценить.

Людмила Л., допрошенная в качестве свидетеля по вышеуказанному уголовному делу сразу после того, как ей сообщили об убийстве подруги, показала, что когда она и ее муж, изгнанные ревнивым хозяином дома, уходили, З. стояла на крыльце, упрасывая их остаться, прижимала к груди полотенце или салфетку, на которой, как ей кажется, была кровь. Эти показания давали основания подозревать, что убийство было совершено до ухода супругов Л. из дома С., следовательно, даже если они сами к убийству не причастны, что-то видели, но от следствия скрывают. Впоследствии Л. уточнила показания, заявив, что ее сообщение о том, что она видела кровь, было предположением.

Для того чтобы правильно оценить эти показания, следует учесть такой фактор, как внушаемость, благодаря которому свидетель сообщает то, что, как ему кажется, должно было быть при определенных обстоятельствах. Скандальная ночь, необоснованная ревность со стороны подруги мужа, его буйство, некрасивая сцена изгнания гостей, ночное путешествие к родственникам и последующее обсуждение с ними происшедшего вызывали массу впечатлений, высказываемых вслух и осмысливаемых про себя. Появление ранним утром работников милиции с сообщением, что подруга убита, закономерно вызвало мысль: «Я так и знала». Свидетельнице начинает казаться, что она действительно знала, что так все и закончится, что она, кажется, даже видела что-то красное в руках стоящей на крыльце подруги. Почему она прижимала полотенце к груди? Очевидно, зажимала рану. Почему опиралась на косяк двери? Потому, что была уже ранена. Все это не более чем домыслы, результат разыгравшегося воображения. Прошло время, свидетельница успокоилась, стала способна спокойно вспоминать тягостное событие и поняла, что ничего этого она в действительности не видела, иначе бы ни за что не ушла, оставив давнюю подругу без помощи.

В показаниях подсудимых и свидетелей следует искать такие детали, которые не могут быть выдуманы, а значит, являются доказательством правдивости. Например, свидетель говорит: «Со слов подсудимого С., когда он вошел в комнату, кровь (из раны. — В.Л.) била, как из курицы». Это сравнение, придумать которое невозможно, говорит о том, что подсудимый, по меньшей мере, присутствовал в момент нанесения удара, а не вошел в комнату позднее. По разъяснениям допрошенных в суде экспертов, фонтанирование крови сопровождается момент извлечения из раны орудия преступления и весьма кратковременно.

Для оценки показаний свидетелей важно, через какой промежуток времени после преступления они были допрошены – сразу же, по горячим следам, когда они еще не знают тех обстоятельств, в сокрытии которых заинтересован обвиняемый, или когда уже стало известно значение тех или иных фактов.

По тому же делу в качестве свидетеля был допрошен сын обвиняемого Азат, который на первом допросе сообщил, что отец приехал к нему в 4.30 утра. Однако, по словам С., он заехал к сыну сразу после звонка в скорую помощь. Звонок поступил, согласно записи в журнале регистрации, в 5.44. Разница во времени давала обвиняемому возможность вместе с сыном произвести инсценировку места происшествия, скрыть орудие преступления, то есть нож. Это обстоятельство разрушало и версию С. о том, что он не знал, что произошло с женой, так как сразу же кинулся вызывать «скорую». Поэтому, вникнув в обстоятельства дела, на втором допросе Азат изменил свои показания, показав, что не помнит точного времени прихода отца, но это было уже утром, ближе к 6 часам.

Прокурор не может оставить без внимания и те доказательства, которые противоречат избранной им линии доказывания. Это ослабляет его позицию, делает его необъективным. Поэтому задача прокурора – продемонстрировать ложность таких показаний или хотя бы зародить сомнения в их достоверности. Достигается это путем демонстрации внутренней противоречивости свидетельских показаний, сопоставления их с теми фактами, которые бесспорно установлены, указания на несоответствие правде какой-либо части показаний – и сомнительным становится все доказательство.

Имеет ли значение для оценки показания личность свидетеля? Можно ли ссылаться на прошлое поведение свидетеля в доказательство правдивости или ложности его показаний? Личность свидетеля весьма важна для оценки показаний. Мы обычно связываем сообщаемое человеком с тем, что он собой представляет, насколько он для нас в какой-то ситуации авторитетен. Например, свидетель говорит, что подсудимый – хороший врач, но сам у него никогда не лечился. Личность человека может свидетельствовать о наличии или отсутствии мотива ко лжи. Любая порочащая свидетеля информация, в том числе и не имеющая отношения к делу, способна вызвать негативное отношение к нему и тем самым поставить под сомнение правдивость, то есть достоверность показаний. В деле, действительно сомнительном, использование этого способа доказывания ненадежности показаний может сыграть значительную роль. Но если показания такого свидетеля соответствуют обстоятельствам дела и подтверждаются другими доказательствами, использование такого приема может умалить достоинство судебного оратора. Допустим, свидетель в прошлом судим. Разве это является доказательством его лжи в данном деле? Допустим, свидетель пьяница, в связи с чем восприятие им событий часто искажено. Но если в описываемом им случае он был трезв? Гораздо более эффективно разру-

шает доверие к свидетельским показаниям указание на объективные причины, влекущие ненамеренное искажение действительности: плохое зрение свидетеля, слабую память, насыщенность его жизни событиями, вследствие чего он мог перепутать их последовательность, и т.п.

В обвинительной речи должны быть проанализированы и другие доказательства – заключения эксперта, вещественные доказательства, документы и протоколы. Как правило, эти доказательства сами по себе не уличают в совершении преступления, но являются важными звеньями в цепи логических рассуждений, подтверждая отдельные, промежуточные выводы. Скажем, у обвиняемого обнаружено орудие преступления. Достаточно ли этого для того, чтобы заявить о его виновности? Разумеется, нет. Адвокат скажет, что это оружие обвиняемому было подброшено, что не этим оружием совершено убийство. Поэтому прежде, чем от факта обнаружения оружия строить вывод о виновности подсудимого в совершении преступления, следует доказать, что обвиняемый имел намерение совершить преступление, для чего и приготовил оружие, что на нем имеются отпечатки его пальцев, что оружие имеет следы недавнего употребления, что обыск был произведен по всем правилам и понятые наблюдали факт обнаружения оружия, что им не мог воспользоваться никто другой.

Заключения эксперта самого по себе тоже, как правило, недостаточно для утверждения о вине подсудимого, ибо эксперт никогда не может указать на конкретное лицо как совершившее определенные действия. Однако экспертиза дает такие промежуточные факты, которые, если взять их в совокупности с другими, создают неопровержимую цепь доказательств. Эксперт дает заключение о причине смерти от проникающего ножевого ранения, однако в мотивировочной части отмечает направление раневого канала – сверху вниз, спереди назад и слева направо. В совокупности с данными о том, что потерпевший не был левшой, это заключение опровергает версию о самоубийстве.

Таким образом, анализ и оценка каждого отдельного доказательства важны не сами по себе, а лишь в связи с тем местом, которое каждое из них занимает в общей линии доказывания.

Характеристика личности подсудимого может иметь значение для обоснования не только меры наказания, но и вывода о мотиве преступления, который привлекается прокурором для доказывания виновности. Если в первом случае речь идет о социальной характеристике личности – отношении к труду, семье, поведении в прошлом, то во втором – о психологической характеристике личности, о ее нравственных переживаниях и внутренних побуждениях. Этот аспект был очень силен в речах юристов XIX века и практически отсутствует в современных. В речах наших обвинителей характеристика личности подсудимого излагается, как правило, формально, чаще всего стандартно: «При назначении меры наказания прошу учесть, что подсудимый на момент совершения преступления нигде не работал,

ранее трижды судим, преступление совершено в состоянии алкогольного опьянения...» Между тем это один из наиболее сложных компонентов обвинительной речи, требующий глубокого знания психологии человеческого поведения. Что чувствовал, что думал человек, готовясь к совершению преступления, что пережил, совершив его? Ответить на эти вопросы — значит, понять и подсудимого, и причину его преступления, точно определить степень опасности его для общества, наличие или отсутствие необходимости лишения лица свободы.

Но чтобы составить такую характеристику личности, следует изучить предшествующую жизнь человека, допросить близко знавших его людей, исследовать его поступки. Образ подсудимого складывается и из отношения к содеянному, с очевидностью проступающего из его собственных показаний. Для оценки личности важны не столько прямые ответы подсудимого на вопрос об отношении к содеянному, сколько описание им подробностей совершения преступления — ведь лучшая характеристика дается не словами, а фактами.

Н., описывая в суде совершенное им убийство женщины, говорил: «Я ее взял за голову и — об колена». Характер проступает отчетливо, так не сделает и так не скажет человек, лишенный жестокости, однако если задать подсудимому прямой вопрос, он, скорее всего, ответит, что сожалеет о содеянном и раскаивается.

Основания для вывода о характере человека есть в любом деле, прокурор должен уметь пользоваться данными судебного следствия. Если свидетель употребляет по отношению к подсудимому какой-то эпитет, например, трудяга, добряк, пьяница, значит, он его хорошо знает. В речи этот эпитет можно воспроизвести. При этом следует помнить, что свидетельские показания о личности могут быть субъективны: мы склонны оценивать человека по тому, как к нему относимся. Характеристика подсудимого должна быть объективна, как и все остальное в речи обвинителя. Известно, что прокурор склонен считать подсудимого худшим, а защитник — лучшим, чем он есть на самом деле. И хотя защитник вправе рисовать облик подсудимого односторонне, а прокурор — нет, возможно, оба они характеризуют его верно: в каждом человеке переплетается и хорошее, и плохое.

Не следует путать характеристику личности с имеющим аналогичное название документом, в котором в сухой и, как правило, краткой форме сообщается, кем работал подсудимый, пользовался ли уважением в коллективе, нарушал ли трудовую дисциплину. Но что за человек подсудимый, из нее видно не всегда. Исследованию личности на суде уделяется мало внимания, очевидно, потому, что субъективная сторона преступления перестала быть предметом доказывания, вина в виде умысла или неосторожности презюмируется, особенно при наличии заключения психиатрической экспертизы о вменяемости. Однако способность человека сознавать характер своих действий и руководить ими не означает еще, что в данный

конкретный момент он отчетливо понимал, что делает и каковы будут последствия его поступков. В психологии кроме преступлений, совершенных с заранее обдуманном намерением или по неосторожности, выделяют большую группу так называемых аффективных преступлений. Они относятся к разряду умышленных, однако зависимость поведения от внешней ситуации, какого-либо повода, на котором фокусируется сознание, не позволяет говорить о полном сознании таким лицом фактического характера и общественной опасности своих действий и о способности руководить ими. Возникающее в острых психотравмирующих ситуациях сильное душевное волнение в определенный, пиковый момент достигает такой силы, что лишает человека способности адекватно оценивать ситуацию и контролировать свои действия. Эта особенность человеческого поведения учитывается законодателем, предусматривающим значительно меньшую ответственность за убийство и причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, совершенное в состоянии сильного душевного волнения, вызванного насилием, издевательством или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего или иными противоправными или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего (ст. 107 и 113 УК РФ). Прокурор не может выполнить своей задачи и утверждать, что подсудимый в полной мере ответственен за свои поступки, без анализа аффектогенной ситуации и мотивации поведения подсудимого.

В преступлении против личности важное значение может иметь анализ взаимоотношений подсудимого с потерпевшим, поскольку именно в них зачастую кроется причина преступления и именно они позволяют судить о степени опасности личности для окружающих – носит ли преступление ситуативный характер и вызвано лишь конкретными межличностными отношениями, или оно совершено в отношении случайной жертвы, на месте которой мог оказаться любой человек. Проявляя объективность в первом случае, прокурор не может оставить без внимания роль потерпевшего в преступлении, однако он имеет право утверждать, что поведение жертвы не оправдывает подсудимого, что никто не вправе быть судьей другого и поднимать руку на него, что есть другие способы разрешения конфликта. Во втором же случае чернить личность потерпевшего вовсе не уместно, так как она не находится в причинной связи с содеянным. Однако иногда уместно выразить и сожаление, что жертва была неосторожна и неосмотрительна, вследствие чего сделалась легкой добычей для подсудимого, и подчеркнуть коварство и вероломство последнего, воспользовавшегося доверчивостью или слабоумием потерпевшего, объективными обстоятельствами и т.п. Любая ситуация всегда имеет две стороны, но при их оценке важно соблюсти такт и чувство меры.

Соображения о мере наказания

Цель уголовного судопроизводства заключается в разрешении уголовно-правового конфликта, восстановлении социальной справедливости. Этой це-

ли служит определяемое судом наказание подсудимого, призванное в какой-то мере восстановить справедливость, воздав преступнику за причиненное им зло. Наказание должно быть соразмерно конкретной вине, определить которую может только суд, поэтому наказание, предусмотренное уголовным законом, всегда альтернативно. Представляя государство, прокурор вправе от его имени высказать свое суждение о том, какая из установленных государством альтернатив наиболее целесообразна в данном случае. Однако в теории существует вопрос о том, в какой степени прокурор должен конкретизировать свои предложения о наказании подсудимого, нужно ли ему просить суд о применении конкретного вида и размера наказания.

На практике прокуроры так и поступают, однако всегда ли это правильно? Всегда ли можно обосновать предложение конкретного размера наказания? Где та грань, которая позволяет прокурору утверждать, что за совершенное зло подсудимый должен расплатиться пятью годами и шестью месяцами лишения свободы, а не пятью или шестью годами?

Прокурор, бесспорно, должен не только назвать, но и обосновать свое предложение о применении исключительной меры наказания, о пожизненном заключении, о применении высшего или низшего пределов санкции конкретной статьи, о назначении наказания ниже низшего предела. Требуется обязательного обоснования предложение об условном осуждении, о применении отсрочки исполнения приговора. Все эти случаи свидетельствуют о неординарности обстоятельств дела и требуют взвешенного подхода и тщательного обоснования. Но всегда ли может прокурор доказать, что для целей исправления подсудимого или предупреждения преступлений необходимо ровно 6 лет изоляции от общества, а ни больше, ни меньше?

Конкретизация прокурором предлагаемой им меры наказания порой ставит суд в сложное и двусмысленное положение, вызывает у присутствующих недоуменные вопросы, формирует искаженное представление о сути происходящего. Если суд назначает ту же меру наказания, которую предложил прокурор, у присутствующих возникает убеждение, что суд и прокурор заодно, а если суд применил более мягкое наказание – значит, прокурор был необъективен. Еще хуже, если суд назначит наказание более строгое, чем предлагается прокурором (для демонстрации судейской независимости). Избежать неадекватных оценок можно, предоставив суду право самостоятельно решать вопрос о размере наказания, предварительно сообщив ему всю информацию, влияющую на этот выбор.

В обвинительной речи прокурор может высказать свои соображения и по другим вопросам, подлежащим разрешению в приговоре: о том, следует ли и в каком размере удовлетворить гражданский иск, как поступить с вещественными доказательствами, нужно ли отменить или изменить меру пресечения до вступления приговора в законную силу, вынести частное определение. Однако необходимость осветить эти вопросы определяется конкретными обстоятельствами дела.

ГЛАВА 6. ОТКАЗ ПРОКУРОРА ОТ ОБВИНЕНИЯ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Согласно ч. 7 и 8 ст. 246 УПК РФ, если прокурор придет к убеждению, что данные судебного следствия не подтверждают предъявленного подсудимому обвинения, он обязан отказаться от обвинения и изложить суду мотивы отказа. До удаления суда в совещательную комнату прокурор вправе изменить обвинение в сторону смягчения путем:

1) исключения из юридической квалификации деяния признаков преступления, отягчающих наказание;

2) исключения из обвинения ссылки на какую-либо норму Уголовного кодекса РФ, если деяние подсудимого предусматривается другой нормой, нарушение которой вменялось ему в обвинительном заключении или обвинительном акте;

3) изменения квалификации деяния в соответствии с нормой УК, предусматривающей более мягкое наказание.

Изменение обвинения в определенной мере тоже является отказом от части обвинения, состоящей в квалифицирующих признаках, отягчающих вину обстоятельств.

Существует мнение, что отказ прокурора от обвинения следует оформлять в письменной форме. И хотя прокурору, участвующему в судебном разбирательстве, не представлено право вынесения постановлений, содержащих властные волеизъявления, нельзя не отметить особый характер этого решения, влекущего изменение правоотношений между участниками судебного разбирательства. Письменная форма позволит государственному обвинителю мотивировать свое заявление, потерпевшему – обжаловать это процессуальное решение по мотивам необоснованности, а вышестоящему прокурору – оценить правильность действий государственного обвинителя. По сути, именно прокурор и прекращает уголовное преследование, суд же, связанный его волей, прекращает лишь судебное разбирательство. Частичный отказ от обвинения изменяет пределы судебного разбирательства (ст. 252 УПК РФ).

Продолжение судебного разбирательства и постановление обвинительного приговора после отказа прокурора от обвинения означало бы инициацию обвинительной деятельности самим судом, что в условиях состязательного судопроизводства недопустимо. Однако, закрепив приведенное выше положение, законодатель не учел, что отказ государственного обвинителя от обвинения может нарушать интересы потерпевшего, не согласного с прекращением уголовного дела и/или уголовного преследования или с изменением обвинения. Следует учитывать, что, согласно ч. 9 ст. 246 УПК, пересмотр определения или постановления суда о прекращении уголовного дела в виде отказа прокурора от обвинения допускался

лишь при наличии новых или вновь открывшихся обстоятельств, то есть невозможен ни в кассационном, ни в надзорном порядке.

Определенная логика в том, как законодатель решает проблему правовых последствий отказа прокурора от обвинения, безусловно, есть. Отказ прокурора от обвинения по делам о преступлениях, преследуемых в публичном порядке, означает исчезновение движущей силы уголовного судопроизводства. Являясь частным лицом и защищая свой частый интерес, потерпевший не может самостоятельно поддерживать государственное обвинение, которого при отказе прокурора от обвинения уже и нет. В то же время нельзя признать справедливым положение, при котором объем процессуальных гарантий прав потерпевшего различается в зависимости от стадии, которую проходит в конкретный момент производство по делу о преступлении. Имея возможность добиваться продолжения производства по делу в стадии предварительного расследования, в судебном разбирательстве потерпевший такой возможности не имеет. Аналогичные проблемы возникают при изменении прокурором в суде обвинения на менее тяжкое. Такая позиция государственного обвинителя свидетельствует о фактическом прекращении уголовного преследования по более тяжкому преступлению и продолжении уголовного преследования по новому, сформулированному в суде обвинению. Это решение прямо касается интересов потерпевших, считающих совершенные против них преступления более тяжкими, рассчитывающих на справедливое, с их точки зрения, наказание и достойную компенсацию причиненного морального вреда. Отмена обвинительного приговора по мотивам неправомерной квалификации деяния возможна только в том случае, если изменение квалификации не обусловлено соответствующей позицией государственного обвинителя. Таким образом, как видим, справедливое, с точки зрения обвиняемого, правило об обусловленности пределов судебного разбирательства тем обвинением, которое обосновывается в суде государственным обвинителем, не является справедливым по отношению к потерпевшему.

Возникающая ситуация неразрешима, если только поддержание государственного обвинения не примет на себя вышестоящий прокурор, однако делать это необходимо до заявления государственного обвинителя об отказе от обвинения. Поскольку, как правило, обвинения в судах поддерживают помощники прокурора, подчиняющиеся ему в силу ФЗ «О Прокуратуре РФ», они обязаны согласовывать с прокурором любое отклонение от государственного обвинения, направленного в суд. Государственное обвинение – позиция официальной обвинительной власти, поэтому его изменение или отказ от него также должны исходить от официального лица, имеющего право распоряжаться обвинением.

В то же время государственный обвинитель не может быть принужден к поддержанию обвинения вопреки своему внутреннему убеждению, а требование государственного обвинителя о вынесении обвинительного

приговора по неисследованным материалам дела при отсутствии достоверных доказательств виновности подсудимого считается грубым нарушением законности и служебного долга со всеми вытекающими последствиями¹⁹.

Сложность рассматриваемой проблемы способствовала появлению в теории различных предложений о путях ее разрешения – от постановки отказа прокурора от обвинения под контроль суда²⁰ до введения уголовной ответственности прокурора за незаконное освобождение подсудимого от уголовной ответственности путем отказа от обвинения, что автоматически повлечет возможность пересмотра решения суда о прекращении уголовного дела ввиду отказа государственного обвинителя от обвинения в связи с новыми и вновь открывшимися обстоятельствами²¹. Однако ни одно из этих предложений эффективным и справедливым способом решения проблемы не является. Контроль со стороны суда за обоснованностью отказа прокурора от обвинения есть не что иное, как отказ от состязательности, за укоренение которой в отечественном уголовном судопроизводстве ученые так долго боролись. Второй способ применим лишь тогда, когда доказаны незаконность отказа прокурора от обвинения, злоупотребление им своей властью. Сложность доказывания этого обстоятельства, а также длительность предлагаемой процедуры лишают потерпевшего права на быстрое и эффективное восстановление в правах. Кроме того, предположение о том, что отказ от обвинения всегда является следствием преступных действий прокурора, само является необоснованным и вряд ли верным. Практика дает основания для иного вывода – в большинстве случаев отказ прокурора от обвинения обусловлен отсутствием достаточной для обоснования обвинения совокупности достоверных доказательств. Этой проблемы не решит даже введение уголовной ответственности за неграмотное расследование – пробелы в собирании доказательств, как правило, невосполнимы. Не следует думать, что прокуроры склонны отказываться от обвинения при наличии хотя бы малейшей возможности его обосновать, проблема необоснованного поддержания обвинения, на наш взгляд, по-прежнему стоит более остро, чем проблема необоснованного от него отказа.

Вынужденный рассматривать эту сложнейшую проблему, Конституционный Суд РФ²² исходил из того, что равно предоставляемая сторонам реальная возможность довести свою позицию относительно всех аспектов дела до сведения суда является одной из необходимых гарантий судебной защиты и справедливого разбирательства дела. Обязанность государства гарантировать защиту прав потерпевших от преступлений, в том числе путем обеспечения им адекватных возможностей отстаивать свои интересы в суде, вытекает также из положений ч. 1 ст. 21 Конституции РФ, согласно которым достоинство личности охраняется государством и ничто не может быть основанием для его умаления. Применительно к личности потерпевшего это конституционное предписание предполагает обязанность госу-

дарства не только предотвращать и пресекать в установленном законом порядке какие бы то ни было посягательства, способные причинить вред и нравственные страдания личности, но и обеспечивать пострадавшему от преступления возможность отстаивать, прежде всего, в суде свои права и законные интересы любыми не запрещенными законом способами.

Принимая с учетом этого решение, Конституционный Суд указал, что предусмотренный ч. 9 ст. 246 УПК РФ пересмотр судебных решений ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств не может рассматриваться в качестве достаточной гарантии прав участников уголовного судопроизводства, поскольку возобновление дела в этих случаях осуществляется по инициативе не самих сторон, а только указанных в уголовно-процессуальном законе должностных лиц, а также поскольку такие обстоятельства, как они обозначены в гл. 49 УПК Российской Федерации, влекут пересмотр судебных решений лишь в ограниченном числе ситуаций. В результате судебные ошибки, приводящие к нарушению прав, свобод и законных интересов личности, могут остаться не устраненными, что противоречит самой сути правосудия и его конституционным принципам.

Поскольку ст. 46 Конституции РФ исходит из обязанности государства обеспечить каждому рассмотрение его дела как минимум двумя судебными инстанциями, положения ч. 9 ст. 246 УПК РФ, как не допускающие возможности кассационного обжалования постановления суда о прекращении уголовного дела ввиду отказа государственного обвинителя от обвинения, не могли быть признанными соответствующими Конституции РФ. Однако и Конституционный Суд оказался не в состоянии предложить законодателю эффективный механизм обеспечения права потерпевшего на судебную защиту при отказе прокурора от обвинения.

Представляется, что рассматриваемая проблема затрагивает несколько процессуальных институтов, следовательно, ее решение требует комплексного подхода.

Обеспечение права потерпевшего на справедливую судебную процедуру, гарантирующую получение им максимальной судебной защиты, на наш взгляд, связано с вопросом о праве потерпевшего на самостоятельную обвинительную деятельность. Проанализируем относящиеся к рассматриваемому вопросу положения закона.

В соответствии со ст. 22 УПК РФ, потерпевший вправе участвовать в уголовном преследовании обвиняемого, а по уголовным делам частного обвинения – выдвигать и поддерживать обвинение. При этом потерпевший по делам частного обвинения именуется в УПК частным обвинителем. В то же время ст. 42, предоставляя потерпевшему право поддерживать обвинение, не ограничивает этого права какой-либо определенной категорией дел, из чего следует, что право потерпевшего на участие в уголовном преследовании не может быть поставлено в зависимость от вида уголовного преследования. Различается лишь объем принадлежащих потерпевшему

прав: по делам частного обвинения потерпевший не только поддерживает обвинение, но и выдвигает его, распоряжается им по своему усмотрению, поскольку является единственным обвинителем. По делам публичного и частного-публичного обвинения права потерпевшего сводятся к участию в уголовном преследовании и поддержанию обвинения. Право выдвигать обвинение потерпевшему не предоставлено. Однако по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести, преследуемым в публичном порядке, он вправе распорядиться обвинением, которое было выдвинуто (предъявлено) следователем или дознавателем (ст. 25 УПК РФ). При этом следователь не может воспрепятствовать потерпевшему в реализации права на примирение с обвиняемым, подозреваемым, если последний извинился перед потерпевшим и загладил причиненный ему вред. Однако если примирения не произошло, уголовное преследование, и не только по данной категории дел, может быть прекращено государственным обвинителем на любом этапе судопроизводства без учета мнения потерпевшего.

Вопрос о том, почему законодатель, предоставляя потерпевшему возможность самостоятельно выступать в качестве обвинителя по делам о причинении легкого вреда здоровью и побоях, лишает его такого же права по делам об умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, грабежах, разбоях, изнасилованиях, то есть преступлениях, причиняющих потерпевшему гораздо большие страдания, не имеет иного ответа, кроме того, что потерпевший как частное лицо не вправе осуществлять публичного уголовного преследования, возложенного на государственные органы. Таким образом, возложение на государственные органы обязанности уголовного преследования по делам публичного обвинения вместо того, чтобы выступать гарантией прав потерпевшего, по сути, является единственной видимой причиной ограничения этих прав.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, отказ государственного обвинителя от обвинения либо изменение им обвинения в сторону смягчения, а равно принятие судом соответствующего решения могут иметь место лишь по завершении исследования значимых для такого рода решений материалов дела и заслушивания мнений по этому поводу участников судебного заседания со стороны обвинения и защиты. Безусловно, следование этому правилу придает отказу прокурора от обвинения и судебному решению более убедительный и мотивированный характер, позволяет избежать поспешности в решении столь важного вопроса, однако эти рекомендации Конституционного Суда проблему по существу не решают: суд, рассматривающий дело, в случае отказа прокурора от обвинения не имеет альтернативы.

Полагаем, что публичному судопроизводству не противоречит предоставление потерпевшему права на продолжение обвинительной деятельности в случае отказа прокурора от обвинения. Признав право потерпевшего на кассационное обжалование постановления о прекраще-

нии уголовного дела в связи с отказом прокурора от обвинения, Конституционный Суд, по сути, признает и его право на самостоятельную обвинительную деятельность. Однако позиция Конституционного Суда в этом вопросе представляется половинчатой. Право кассации само по себе не решает проблемы судебной защиты потерпевшего в полной мере, так как, связанный недопустимостью поворота к худшему, суд второй инстанции вправе лишь возвратить дело на новое рассмотрение. Поскольку прокурор уже отказался от обвинения, нельзя требовать от него изменения позиции. В то же время сам потерпевший не всегда в состоянии осуществлять квалифицированное обвинение по уголовным делам, оказавшимся сложными даже для государственного обвинителя.

В качестве вариантов решения проблемы представляется возможным вынести на обсуждение следующие предложения.

Первый вариант состоит в предложении вернуться к положениям УПК РСФСР, действовавшим в последний период его применения: отказ прокурора от обвинения влечет прекращение судом уголовного дела только при согласии на это потерпевшего. Предоставление потерпевшему права самостоятельно поддерживать обвинение по делам публичного и частно-публичного обвинения в суде в случаях, когда государственный обвинитель отказался от его поддержания (в литературе этот институт именуется неофициальным или субсидиарным, дополнительным обвинением)²³, нуждается в дополнительных мерах, которые позволили бы потерпевшему продолжать уголовное преследование. Такой мерой могло бы быть наделение потерпевшего правом ходатайствовать о назначении представителя по аналогии с ч. 2 ст. 50 УПК РФ. В этом случае ч. 2 ст. 45 УПК РФ следовало бы дополнить словами: «Представитель привлекается к обязательному участию в деле по ходатайству потерпевшего также в случае отказа государственного обвинителя от поддержания обвинения». Все расходы, связанные с участием в таком деле представителя потерпевшего, должны быть отнесены к судебным издержкам и возмещаться по общим правилам, предусмотренным действующим законом. Учитывая дискуссионность вопроса о праве потерпевшего иметь своим представителем не адвоката, представляется целесообразным вернуться к его обсуждению с тем, чтобы права потерпевшего в описываемой ситуации представлял именно адвокат.

Таким образом, ч. 7 ст. 246 УПК РФ могла бы быть изложена в следующей редакции: «Если в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, то он отказывается от обвинения и излагает суду мотивы отказа в письменном виде. Полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства влечет за собой прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей его части по основаниям, предусмотренным п. 1 и 2 ч. 1 ст. 24 и п. 1 и 2 ч. 1

ст. 27 настоящего Кодекса, при отсутствии возражений со стороны потерпевшего. Если потерпевший возражает против прекращения дела, суд должен разъяснить потерпевшему право ходатайствовать о назначении представителя и продолжить рассмотрение дела в общем порядке. Вступивший в дело представитель потерпевшего вправе ходатайствовать об ознакомлении с протоколом судебного заседания и допросе свидетелей, потерпевших, подсудимых».

В качестве альтернативного способа обеспечения прав и законных интересов потерпевшего можно предложить замену государственного обвинителя. В обоснование предлагаемого можно указать на следующее. По подавляющему большинству уголовных дел государственное обвинение поддерживается помощниками прокуроров. Сегодня очевидно, что государственный обвинитель уже «не связан выводами обвинительного заключения (обвинительного акта)»²⁴, утверждаемого прокурором или его заместителем, однако Приказ Генерального прокурора РФ №28 от 03.06.2002 г. предоставлял прокурору возможность в случае несогласия его с позицией государственного обвинителя решать вопрос о замене государственного обвинителя либо поручать поддержание обвинения прокурору, утвердившему обвинительное заключение (обвинительный акт). Замена обвинителя возможна лишь в случае уведомления прокурора о несогласии государственного обвинителя с обвинением. Поэтому прежде, чем отказаться от обвинения или изменить его, выступающий в суде помощник прокурора должен поставить об этом в известность вышестоящего прокурора. Кстати сказать, такая практика в органах прокуратуры на неофициальном уровне существовала всегда. Однако если участвующий в деле помощник прокурора отказался в суде от обвинения без согласования с вышестоящим прокурором, это не должно рассматриваться как самостоятельное основание для вынесения прокурором кассационного представления. Замена прокурора, на наш взгляд, возможна только до того момента, как государственный обвинитель публично высказал свою позицию. Иное недопустимо не только как проявление непоследовательности органов прокуратуры, умаляющее их авторитет, но и как элемент нестабильности в судебной деятельности, ущемление прав стороны защиты. Потерпевший должен быть поставлен в известность о намерении государственного обвинителя отказаться от обвинения с тем, чтобы вовремя заявить ходатайство о его замене перед прокурором или, как вариант, непосредственно в суде в форме отвода. Возможно, это потребует внесения в УПК некоторых изменений.

ГЛАВА 7. ПРОКУРОР В СТАДИЯХ ПЕРЕСМОТРА ПРИГОВОРА

Как уже было отмечено, прокурор осуществляет уголовное преследование и после постановления судом приговора. Не согласный с приговором, он принимает меры к его отмене, согласный – к опровержению доводов других участников процесса, обжаловавших приговор.

Формой обжалования приговора прокурором является представление (апелляционное, кассационное, надзорное), формой опровержения доводов, содержащихся в жалобах других участников процесса, – возражения, которые он подает в письменном виде.

Порядок обжалования приговора, участия прокурора в суде апелляционной, кассационной инстанций не представляют значительных проблем, Прокурор в этих процедурах выступает как равноправная сторона, его мнение не имеет для суда преимущественного значения по сравнению с мнением других участников судопроизводства. Подчеркивая это, законодатель отказался от ранее употребляемого термина «протест», заменив его более соответствующим состязательной форме «представлением». В отличие от суда первой инстанции, при кассационном рассмотрении дела первой заслушивается сторона, подавшая жалобу или представление, а затем другие явившиеся в судебное заседание лица.

Прокурор в суде апелляционной и кассационной инстанции имеет право на заявление ходатайств, отводов, участие в исследовании доказательств (апелляция), высказывание своего мнения по ходатайствам, заявленным другими участниками процесса, и иным обсуждаемым в суде вопросам. Он вправе представлять и дополнительные доказательства, однако закон (ч. 6 ст. 377) подчеркивает, что они не могут быть получены путем производства следственных действий. Кроме того, прокурор должен указать, каким путем получены дополнительные материалы и в чем необходимость их представления. Если эти материалы свидетельствуют о необходимости изменения приговора или его отмены с прекращением уголовного дела, суд отменяет приговор и возвращает уголовное дело на новое рассмотрение судом первой инстанции.

Значительно большим изменениям подверглась в новом УПК РФ деятельность прокурора в стадиях пересмотра приговоров, вступивших в законную силу. По УПК РСФСР прокурор субъекта Федерации и выше, как и председатель соответствующего суда, мог инициировать возбуждение надзорного производства путем принесения надзорного протеста, поэтому осужденный, потерпевший и другие участники, желая оспорить вступивший в законную силу приговор, направляли свои жалобы прокурору либо председателю суда, которые и решали вопрос о наличии оснований для возбуждения надзорного производства. Теперь же прокурор, как и другие участники уголовного процесса, не согласные со вступившим в законную силу приговором суда, вправе обжаловать его путем подачи надзорного

представления в суд надзорной инстанции. В случае если судья суда надзорной инстанции находит основания для отмены или изменения приговора, он выносит постановление о возбуждении надзорного производства и передаче жалобы или представления вместе с уголовным делом на рассмотрение суда надзорной инстанции. Если в удовлетворении надзорного представления прокурора отказано, он вправе обратиться соответственно к председателю суда субъекта Федерации, председателю Верховного Суда РФ либо его заместителям с ходатайством об отмене постановления судьи суда надзорной инстанции.

При обжаловании приговора в порядке надзора другими участниками уголовного процесса прокурор вправе ознакомиться с надзорными жалобами. В заседании президиума верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области и суда автономного округа нужно принимать участие прокурору субъекта Российской Федерации или его заместителю, а в заседании президиума окружного (флотского) военного суда – военному прокурору округа (флота), приравненному к нему военному прокурору или его заместителю. В заседании Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации или Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации – прокурорам управлений по обеспечению участия прокуроров в рассмотрении уголовных дел судами Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Главной военной прокуратуры или по поручению заместителей Генерального прокурора Российской Федерации – другим прокурорам. В заседании Президиума Верховного Суда Российской Федерации участвует Генеральный прокурор Российской Федерации или его заместитель. В рассмотрении дела судом надзорной инстанции прокурор участвует в качестве стороны обвинения, он имеет право выступать с обоснованием надзорного представления, то есть изложением тех доводов, которые, по его мнению, дают основания для отмены или изменения приговора, затем право дать свои устные объяснения предоставляется осужденному, оправданному, их защитникам, законным представителям, потерпевшему и его представителю, если они участвуют в судебном заседании. Приведенные формулировки ч. 5 и 6 ст. 407 УПК РФ представляются не соответствующими принципу состязательности и равноправия сторон. Они не учитывают, что инициатором надзорного производства в новых условиях может быть не только прокурор, но и потерпевший и сторона защиты. В этом случае им, как и прокурору, принадлежит право поддержания поданной ими надзорной жалобы, после чего прокурор может дать свои устные объяснения. Используемая законодателем формулировка ч. 5 и 6 ст. 407 УПК, как представляется, отражает старые воззрения на роль прокурора как лица, осуществляющего надзор за законностью приговоров.

Конечно, прокурор не может быть лишен права обжаловать вступивший в законную силу обвинительный приговор и в интересах осужденного. Он вправе и обязан принимать к рассмотрению жалобы, заявления и другие обращения граждан на вступившие в законную силу приговоры, определения и постановления судов, в том числе на судебные решения, принимаемые в ходе досудебного производства по уголовному делу, и решать по ним вопрос о подаче надзорной жалобы. Однако учитывая предыдущую деятельность прокурора в судебных инстанциях, связанность судебных инстанций объемом поддерживаемого прокурором обвинения, прокурор может не согласиться лишь с приговором суда в части меры наказания и обжаловать его по мотивам излишней суровости. Очевидно, право обжалования приговора, вступившего в законную силу с учетом Постановления Конституционного Суда РФ №18 от 8 декабря 2003 года, может быть использовано вышестоящим прокурором, признавшим отказ прокурора от обвинения в суде первой инстанции необоснованным и нарушающим права потерпевшего. Однако, главным образом, право обжалования приговора в порядке надзора используется прокурором в качестве инструмента продолжающегося уголовного преследования.

В первоначальной редакции ст. 405 УПК РФ закрепляла принцип недопустимости поворота к худшему: пересмотр в порядке надзора обвинительного приговора, а также определения, постановления суда в связи с необходимостью применения уголовного закона о более тяжком преступлении, ввиду мягкости наказания или по иным основаниям, влекущим за собой ухудшение положения осужденного, а также пересмотр оправдательного приговора либо определения или постановления суда о прекращении уголовного дела не допускался. Данный запрет, являющийся, по существу, конкретизацией общеправового принципа справедливости и направленный на обеспечение правовой безопасности и правовой определенности и стабильности, нашел отражение в Уголовном кодексе Российской Федерации: согласно ст. 6, наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного; никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление.

Однако Постановлением от 11 мая 2005 года²⁵ Конституционный Суд РФ это положение уголовно-процессуального закона признал не соответствующим Конституции РФ в той мере, в какой оно в системе действующего уголовно-процессуального регулирования пересмотра вступивших в законную силу приговоров, определений, постановлений суда, не допуская поворот к худшему при пересмотре судебного решения в порядке надзора по жалобе потерпевшего (его представителя) или по представлению прокурора, не позволяет тем самым устранить допущенные в судебном разби-

рательстве существенные (фундаментальные) нарушения, повлиявшие на исход дела. Определяя, таким образом, свою правовую позицию, Конституционный Суд исходит из того, что неисправление судебной ошибки при наличии существенных (фундаментальных) нарушений искажало бы саму суть правосудия, смысл приговора как акта правосудия, разрушая необходимый баланс конституционно защищаемых ценностей, в том числе прав и законных интересов осужденных и потерпевших.

Вместе с тем Конституционный Суд указал, что впредь до внесения соответствующих изменений и дополнений в уголовно-процессуальное законодательство пересмотр в порядке надзора по жалобе потерпевшего, его представителя и по представлению прокурора обвинительного приговора, а также определения и постановления суда в связи с необходимостью применения уголовного закона о более тяжком преступлении, ввиду мягкости наказания или по иным основаниям, влекущим за собой ухудшение положения осужденного, а также оправдательного приговора либо определения или постановления суда о прекращении уголовного дела допускается лишь в течение года по вступлении их в законную силу. Однако до настоящего времени, хотя с момента принятия этого постановления прошло более двух лет, соответствующие изменения в УПК РФ так и не внесены. Думается, это связано с проблемой поиска и определения законодателем тех самых фундаментальных нарушений, которые должны влечь отмену приговора, определения, постановления, вступившего в законную силу.

Тем не менее именно этим решением Конституционный Суд РФ создал условия реализации прокурором уголовного преследования и после вступления приговора в законную силу. Добиваясь отмены оправдательного приговора или обвинительного в связи с необходимостью применения закона о более тяжком преступлении или по иным мотивам, связанным с ухудшением положения осужденного, прокурор продолжает свою обвинительную деятельность и создает условия для ее последующего осуществления в суде уже после отмены приговора.

Отмена приговора или иного завершающего производство по уголовному делу решения в надзорном порядке и возвращение дела для нового его рассмотрения позволяют органам уголовного преследования и суду устранить свои собственные нарушения – как намеренные, так и явившиеся результатом заблуждения, хотя подобные нарушения могли и должны были бы быть предотвращены или исправлены еще до вступления соответствующего решения по уголовному делу в законную силу.

Еще более широкие полномочия принадлежат прокурору в стадии возобновления дела ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств. Прокурор является единственным субъектом, наделенным правом возбуждения производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. Поводами для возбуждения такого производства являются сообщения граждан, должностных лиц, а также данные, полученные в ходе предваритель-

ного расследования и судебного рассмотрения других уголовных дел. Если в сообщении имеется ссылка на наличие обстоятельств, указанных в п. 1-3 ч. 3 ст. 413 УПК (вновь открывшихся обстоятельств), то прокурор своим постановлением возбуждает производство ввиду вновь открывшихся обстоятельств, проводит соответствующую проверку, истребует копию приговора и справку суда о вступлении его в законную силу.

Если в сообщении имеется ссылка на наличие обстоятельств, указанных в п. 3 ч. 4 ст. 413 УПК (иные новые обстоятельства), то прокурор выносит постановление о возбуждении производства ввиду новых обстоятельств и производит расследование этих обстоятельств или дает соответствующее поручение следователю. При расследовании новых обстоятельств могут производиться следственные и иные процессуальные действия в порядке, установленном настоящим Кодексом.

По окончании проверки или расследования и при наличии основания возобновления производства по уголовному делу прокурор направляет уголовное дело со своим заключением, а также с копией приговора и материалами проверки или расследования в суд, в соответствии со ст. 417 УПК РФ, а при отсутствии оснований возобновления производства по уголовному делу прокурор своим постановлением прекращает возбужденное им производство и доводит принятое решение до сведения заинтересованных лиц. При этом им разъясняется право обжаловать данное постановление в суд, который, в соответствии со ст. 417 УПК РФ, правомочен решать вопрос о возобновлении производства по данному уголовному делу ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств.

Заключение прокурора о возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств рассматривается в судебном заседании в том же порядке, который установлен для рассмотрения дела судом надзорной инстанции (ст. 407 УПК РФ), и прокурор имеет возможность обосновать свое заключение о необходимости отмены приговора, определения или постановления суда и передачи уголовного дела для производства нового судебного разбирательства или о прекращении уголовного дела.

Значительные коррективы в производство по пересмотру приговора ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств внес Конституционный Суд РФ, признав положения ст. 418 УПК РФ во взаимосвязи с его ст. 237 – в той части, в какой они позволяют отказывать в возобновлении производства по уголовному делу и пересмотре принятых по нему решений ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств при возникновении новых фактических обстоятельств, свидетельствующих о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления, – не соответствующими Конституции РФ²⁶.

В отличие от пересмотра судебных решений в порядке надзора, возобновление производства по уголовному делу осуществляется в связи с вы-

явлением таких обстоятельств, которые либо возникли уже после рассмотрения уголовного дела судом, либо существовали на момент рассмотрения уголовного дела, но не были известны суду. Такие обстоятельства, несмотря на то что они не обусловлены какими-либо упущениями со стороны суда либо органов и должностных лиц, осуществлявших предварительное расследование и поддержание обвинения в суде, тем не менее, не позволяют в конечном счете оценивать вынесенные по уголовному делу решения как законные, обоснованные и справедливые.

В связи с этим Конституционный Суд указал, что, возобновляя производство по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, суд обеспечивает не восполнение недостатков обвинительной и судебной деятельности, а возможность исследования тех фактических обстоятельств, которые уголовный закон признает имеющими значение для определения оснований и пределов уголовно-правовой охраны, но которые в силу объективных причин ранее не могли входить в предмет исследования по уголовному делу. Такой механизм может использоваться для устранения допущенных в ходе уголовного судопроизводства нарушений только в исключительных случаях, когда возможности исправления нарушений в порядке надзора оказались исчерпанными, и в этом смысле он является резервным, в том числе по отношению к надзорному производству.

Особенности оснований пересмотра приговора в порядке надзора и возобновления производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств определяют и различия в процедуре его осуществления. В отличие от надзорного производства, заключающегося преимущественно в документальной проверке судом материалов уголовного дела, производство по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств предусматривает элементы как досудебного производства, а именно возбуждение производства по новым или вновь открывшимся обстоятельствам прокурором, их расследование или проверку, предполагающие в том числе возможность проведения допросов, осмотров, экспертиз, выемок, иных необходимых следственных действий по правилам раздела VIII УПК Российской Федерации и последующее направление материалов в суд (ст. 415 и 416 УПК Российской Федерации), так и рассмотрение дела судом, в том числе с учетом установленных в результате проведенных расследования или проверки фактических обстоятельств (ст. 407, 417 и 418 УПК Российской Федерации).

Ограничение возможности пересмотра судебных решений, не отвечающих требованиям законности, обоснованности и справедливости, имеет следствием нарушение баланса в защите таких конституционных ценностей, как справедливость и правовая определенность, влекущее причинение вреда гарантируемым Конституцией Российской Федерации правам и свободам человека и гражданина, защита и восстановление которых являются конституционной целью правосудия. Судебное решение, если суще-

ственно значимые обстоятельства события, являющегося предметом исследования по уголовному делу, отражены в нем неверно, не может рассматриваться как справедливый акт правосудия и должно быть исправлено независимо от того, что послужило причиной его неправомерности – неправомерные действия судьи, судебная ошибка или иные обстоятельства, объективно влияющие на законность, обоснованность и справедливость судебного акта.

Выявившиеся после постановления приговора фактические обстоятельства, которые могут свидетельствовать о необходимости изменения положения оправданного или осужденного в худшую для него сторону, по смыслу закона, приводят к возобновлению производства по уголовному делу лишь в том случае, если свидетельствуют о совершенном в ходе предварительного расследования или судебного разбирательства преступлении против правосудия, которое установлено вступившим в законную силу приговором суда.

Учет иных новых фактических обстоятельств, влияющих на правосудность приговора или иного судебного решения, если они не связаны с допущенными в ходе производства по уголовному делу нарушениями (как это имеет место в случае, который послужил поводом для обращения президиума Курганского областного суда с запросом в Конституционный Суд Российской Федерации), оказывается невозможным ни в этой процедуре, ни в порядке надзорного производства, в котором, как следует из ст. 379 и 409 УПК Российской Федерации и правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в Постановлении от 11 мая 2005 года №5-П, отмена или изменение вступившего в законную силу судебного решения не в пользу осужденного (оправданного) возможны лишь при наличии допущенных в ходе рассмотрения соответствующего уголовного дела существенных (фундаментальных) нарушений закона.

Ограничение круга оснований к возобновлению уголовного дела в целях пересмотра незаконного приговора приводит, по мнению Конституционного Суда, к нарушению конституционных положений о защите прав человека, создает основу для неравенства при определении пределов ответственности и возмещения вреда в зависимости от того, в какой момент эти обстоятельства возникли и были установлены: если они возникают еще до возбуждения уголовного дела или в ходе досудебного производства, то учитываются при формулировании обвинения и квалификации преступления; если же эти обстоятельства возникают после направления уголовного дела в суд с обвинительным заключением, а тем более после постановления приговора, то, в соответствии с действующим законодательством, они уже не могут получить отражение в судебных решениях по данному делу.

При возникновении новых фактических обстоятельств, могущих послужить основанием для ухудшения положения лица, оправданного или осужденного по уголовному делу, суд, рассматривающий соответствующую

щее заключение прокурора, должен принять решение об отмене приговора и передаче уголовного дела для производства нового судебного разбирательства. Между тем в системе действующего уголовно-процессуального регулирования принятие судом каких-либо решений, ведущих к изменению положения обвиняемого в худшую для него сторону, невозможно как в силу предписаний ст. 413 УПК Российской Федерации, так и в связи с отсутствием процессуального механизма, обеспечивающего принятие таких решений.

Даже в случае отмены приговора и передачи уголовного дела для производства нового судебного разбирательства суд первой инстанции, повторно рассматривая это дело, был бы связан пределами предъявленного ранее и сформулированного в обвинительном заключении (обвинительном акте) обвинения. Именно такой вывод следует из ст. 418 УПК Российской Федерации во взаимосвязи его со ст. 252, согласно которой судебное разбирательство проводится лишь по предъявленному обвинению, а изменение обвинения в судебном разбирательстве допускается, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту, а также со ст. 237, непосредственно не предусматривающей возвращение дела судом прокурору в целях изменения обвинения на более тяжкое, в том числе в связи с выявлением не существовавших на момент его формулирования фактических обстоятельств.

Не открывает возможность для принятия такого решения и правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации, согласно которой ч. 1 ст. 237 УПК Российской Федерации не исключает правомочие суда по ходатайству стороны или по собственной инициативе возвратить дело прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению судом во всех случаях, когда в досудебном производстве были допущены существенные нарушения закона, не устранимые в судебном производстве, если возвращение дела не обусловлено необходимостью восполнения неполноты проведенного дознания или предварительного следствия, поскольку данная правовая позиция, изложенная в Постановлении от 8 декабря 2003 года №18-П, непосредственно не распространяется на случаи, связанные с необходимостью исследования новых или вновь открывшихся обстоятельств, которые ранее не были и не могли быть известны органам предварительного расследования.

Таким образом, Конституционный Суд РФ создал условия не только для отмены вступившего в законную силу приговора ввиду открывшихся новых фактических обстоятельствах дела, но и для возвращения уголовного дела прокурору для организации дальнейшего расследования этих обстоятельств.

ГЛАВА 8. ПРОКУРОР И ОСОБЫЕ ПРОИЗВОДСТВА

Мы рассмотрели, таким образом, общие вопросы участия прокурора во всех стадиях уголовного судопроизводства, однако УПК РФ предусматривает и некоторые особые и специальные производства – по делам частного обвинения, делам, рассматриваемым в суде с участием присяжных заседателей, по применению принудительных мер медицинского характера, производство в отношении отдельных категорий лиц, а также особый порядок принятия решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением. Полномочия прокурора в этих производствах или особенности их осуществления имеют некоторую специфику.

Гл. 40 УПК РФ предусматривает особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением. Ходатайство о рассмотрении уголовного дела в особом порядке может быть заявлено обвиняемым при ознакомлении с материалами уголовного дела по окончании предварительного следствия, а также при проведении предварительного слушания, когда оно является обязательным, в соответствии со ст. 229 УПК РФ. Заметим, что первоначальная редакция ст. 229 УПК РФ предусматривала ходатайство о рассмотрении уголовного дела в особом порядке в качестве основания проведения предварительного слушания, но законом от 04.07.2004 г. п. 4 ч. 2 этой статьи был из нее исключен.

Невыполнение органами предварительного расследования возложенной на них ч. 1 ст. 11 и п. 2 ч. 5 ст. 217 УПК РФ обязанности по разъяснению обвиняемому права ходатайствовать при ознакомлении с материалами уголовного дела о применении особого порядка судебного разбирательства влечет нарушение права обвиняемого на защиту и, в соответствии с п. 5 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, является основанием проведения предварительного слушания для решения вопроса о возвращении уголовного дела прокурору. Поэтому прокурор, рассматривая поступившее к нему с обвинительным заключением или обвинительным актом уголовное дело, должен выяснить, разъяснено ли обвиняемому это право, независимо от того, в какой форме производилось расследование.

Одним из условий рассмотрения уголовного дела в особом порядке является согласие на это государственного обвинителя. Хотя ст. 314 говорит о рассмотрении уголовного дела без судебного разбирательства, надо полагать она имеет в виду, что оно рассматривается без судебного следствия, само же судебное разбирательство производится, ходатайство рассматривается в судебном заседании с участием государственного обвинителя, который в этот момент и высказывает свое согласие или несогласие с рассмотрением дела в особом порядке. Возражения государственного обвинителя могут быть обусловлены сомнениями в добровольности и осознанности этого ходатайства, мнением потерпевшего и другими обстоятельствами.

Верховный Суд РФ²⁷ обращает особое внимание на недопустимость рассмотрения уголовных дел в особом порядке без подсудимого, его защитника,

государственного или частного обвинителя, поскольку от позиции указанных участников судебного разбирательства зависит сама возможность применения особого порядка принятия судебного решения. Участвуя в судебном заседании, прокурор вправе исследовать доказательства, характеризующие личность обвиняемого, отягчающие и смягчающие наказание, высказывать свое мнение по всем вопросам, разрешаемым в приговоре, за исключением тех, что связаны с обоснованием вины и оценкой доказательств.

Поскольку гл. 40 УПК РФ не содержит норм, запрещающих по делу, рассматриваемому в особом порядке, иные, кроме обвинительного приговора, судебные решения, содеянное обвиняемым может быть переквалифицировано, а само уголовное дело прекращено (например, в связи с истечением сроков давности, изменением уголовного закона, примирением с потерпевшим, амнистией, отказом государственного обвинителя от обвинения и т.д.), если для этого не требуется исследования собранных по делу доказательств и фактические обстоятельства при этом не изменяются.

Если по уголовному делу, рассматриваемому в особом порядке, предъявлен гражданский иск, то прокурор должен высказать по нему свое мнение, однако Верховный Суд РФ указывает, что следует помнить, что в этом случае при наличии соответствующих оснований он может быть оставлен без удовлетворения, производство по нему прекращено, в его удовлетворении может быть отказано либо по иску принято решение о передаче его на рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства, если это не повлечет изменения фактических обстоятельств дела. Решения об удовлетворении гражданского иска при рассмотрении дела в особом порядке суд, как видим, принять не может.

Ст. 317 УПК РФ ограничивает основания, по которым прокурор может обжаловать такой приговор в кассационном и апелляционном порядке, однако в порядке надзора приговор может быть обжалован и по основанию несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам дела.

Особенности участия прокурора в производстве по применению принудительных мер медицинского характера (гл. 51 УПК РФ) состоят в следующем.

При необходимости проверки способности лица нести уголовную ответственность вследствие психического заболевания следователь, дознаватель назначает судебно-психиатрическую экспертизу, а прокурор обязан обеспечить надзор за законностью решения о помещении обвиняемого, подозреваемого в психиатрический стационар (ст. 435 УПК РФ). Предметом особой заботы прокурора по этой категории дел является обеспечение прав лица, имеющего психическое заболевание, – привлечение к участию в производстве законного представителя (ст. 437), обеспечение участия защитника (ст. 438).

При окончании предварительного следствия прокурор утверждает постановление о направлении уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера или о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного расследования. Про-

курор вправе прекратить уголовное дело по основаниям, предусмотренным ст. 24 и 27 УПК РФ, а также в случаях, когда характер совершенного деяния и психическое расстройство лица не связаны с опасностью для него или других лиц либо с возможностью причинения им иного существенного вреда. Если решение о прекращении уголовного дела принял следователь, то задача прокурора – проконтролировать его законность.

Судебное заседание по рассмотрению постановления о применении принудительных мер медицинского характера назначается в общем порядке, однако, если по этому делу имеются основания для составления обвинительного заключения или обвинительного акта, суд, в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, по ходатайству стороны или по собственной инициативе возвращает прокурору уголовное дело. Такое решение суд вправе принять и в стадии судебного разбирательства, если, как следует из содержания ч. 5 ст. 443, психическое расстройство лица, в отношении которого рассматривается уголовное дело, не установлено или заболевание лица, совершившего преступление, не является препятствием для применения к нему уголовного наказания. Получив уголовное дело, прокурор направляет его для дальнейшего расследования и привлечения лица в качестве обвиняемого по подследственности.

Прокурор принимает участие в рассмотрении судом вопросов, связанных с прекращением, изменением или продлением принудительной меры медицинского характера и высказывает свое мнение о решении этих вопросов. Его участие является обязательным (ч. 4 ст. 444).

Что касается производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц, то полномочия по возбуждению уголовного дела в отношении некоторых категорий лиц, ранее принадлежавшие прокурору, переданы руководителю соответствующего следственного органа Следственного комитета при Генеральной прокуратуре РФ. Уголовное дело в отношении самого прокурора, в соответствии с п. 10 ч. 1 ст. 448, возбуждается руководителем вышестоящего по отношению к прокурору следственного органа Следственного комитета при Прокуратуре РФ на основании заключения судьи районного или гарнизонного военного суда по месту совершения деяния, содержащего признаки преступления.

В соответствии с гл. 53 и 54 УПК РФ, Генеральный прокурор РФ оформляет запрос об оказании юридической помощи на территории иностранного государства, а также исполняет запрос об оказании правовой помощи иностранному государству. Генеральный прокурор рассматривает запрос компетентного органа иностранного государства об осуществлении уголовного преследования в отношении гражданина РФ, совершившего преступление на территории иностранного государства и возвратившегося в РФ, и совершает иные действия по осуществлению международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства.

Примечания

¹ Судебная реформа только началась / обзор выступлений участников научно-практической конференции «Проблемы судебной власти в СССР» // Вестник Верховного Суда СССР. – 1991. – №9. – С. 17.

² Шадрин, Ю. Независимый суд и прокуратура / Ю. Шадрин // Вестник Верховного Суда СССР. – 1991. – №7. – С. 19.

³ Ключков, В. Разделение и взаимодействие властей / В. Ключков // Вестник Верховного Суда СССР. – 1991. – №8. – С. 28.

⁴ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. И.Л. Петрухин. – 2-е изд. – М.: Проспект, 2006. – С. 127.

⁵ См.: Савицкий, В.М. Очерк теории прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве / В.М. Савицкий. – М.: Наука, 1975. – С. 60 и сл.; а также его работу: Савицкий, В.М. Государственное обвинение в суде / В.М. Савицкий. – М.: Наука, 1971. – С. 32 и сл.

⁶ См.: Михайловская, И.Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе / И.Б. Михайловская. – М.: Проспект, 2006. – С. 28.

⁷ См.: Савицкий, В.М. Очерк теории прокурорского надзора... – С. 193.

⁸ См.: Цапаева, Т.Ю. Участие прокурора в доказывании на предварительном следствии / Т.Ю. Цапаева. – Самара: Самарский университет, 2004. – С. 31; Савицкий, В.М. Указ. соч. – С. 45.

⁹ См.: Лазарева, В.А. Судебная власть и ее реализация в уголовном процессе / В.А. Лазарева. – Самара: Самарский университет, 1999. – С. 25-26.

¹⁰ См.: Ларин, А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции / А.М. Ларин. – М.: Юрид. лит., 1968. – С. 131.

¹¹ См.: Токарева, М.Е. Современные проблемы законности и прокурорский надзор в досудебных стадиях уголовного процесса / М.Е. Токарева. – М., 1997. – С. 14, 71 и др.; Стрёмовский, В.А. Участники предварительного следствия в советском уголовном процессе / В.А. Стрёмовский. – Ростов, 1966. – С. 71-72.

¹² Михайловская, И.Б. Указ. соч. – С. 31.

¹³ Сохранившаяся в части 4 ст. 147 УПК формулировка «Следователь, а также дознаватель с согласия прокурора возбуждают уголовное дело о любом преступлении, указанном в частях второй и третьей ст. 20 настоящего Кодекса, и при отсутствии заявления потерпевшего или его законного представителя в случаях, предусмотренных частью четвертой ст. 20 настоящего Кодекса», повторяющая содержание ч. 4 ст. 20 УПК, заставляет думать, что дела о преступлениях этих категорий без согласия прокурора дознаватель возбудить не вправе, если только это не ошибка законодателя, обусловленная его невнимательностью. Можно еще как-то признать справедливым контроль за возбуждением уголовных дел о преступлениях против потерпевших, которые в силу зависимого или беспомощного состояния не способны защищать свои права и законные интересы, но повышать статус всех дел частного и частично-публичного обвинения требованием согласия прокурора на их возбуждение представляется нелепым. Тем более что это явно противоречит положениям ч. 3 ст. 21 УПК РФ: согласие прокурора на осуществление дознавателем уголовного преследования независимо от волеизъявления потерпевшего требуется только в случаях, указанных в ч. 4 ст. 20 УПК.

¹⁴ Здесь и далее имеются в виду приказы Генерального прокурора РФ №136 от 06.09.2007 г. «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» и №137 от 06.09.2007 г. «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Подробнее о судебном контроле за соблюдением прав и свобод участников уголовного процесса см.: Лазарева, В.А. Указ. соч. – 136 с.; Лазарева, В.А. Теория и практика судебной защиты в уголовном процессе / В.А. Лазарева. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2000. – 232 с.

¹⁶ Мы не рассматриваем здесь в качестве самостоятельного решение о направлении уголовного дела вышестоящему прокурору для утверждения обвинительного заключения, если дело подсудно вышестоящему суду, так как оно не является окончательным, и вышестоящий прокурор, получив уголовное дело, все равно принимает одно из двух решений, названных в п. 1 и 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ.

¹⁷ Савицкий, В.М. Государственное обвинение в суде... – С. 44.

¹⁸ Данный Приказ «Об организации прокурорского надзора за законностью уголовного преследования в стадии досудебного производства» признан недействующим в связи с изданием Приказа Генерального прокурора РФ № 136 от 05.06.07 г.

¹⁹ См.: Приказ Генерального прокурора РФ № 141 от 13 ноября 2000 г. «Об усилении прокурорского надзора за соблюдением конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁰ См.: Амирбеков, К. Отказ прокурора от обвинения / К. Амирбеков // Законность. – 2001. – №12. – С. 23; Тетерина, Т. Отказ прокурора от обвинения «переступает» права потерпевшего на доступ к правосудию / Т. Тетерина // Российская юстиция. – 2003. – №10. – С. 25.

²¹ См.: Холоденко, В. Учет мнения потерпевшего и его представителя при изменении обвинения прокурором в стадии судебного разбирательства // Российская юстиция. – 2002. – №3. – С. 50.

²² Имеется в виду Постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 года №18-П «По делу о проверке конституционности положений ст. 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также гл. 35 и 39 УПК РФ в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2004. – №1.

²³ См. об этом подробно: Петрова, Н.Е. Частное и субсидиарное обвинение / Н.Е. Петрова. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2004.

²⁴ Аликперов, Х. О процессуальной фигуре государственного обвинителя / Х. Аликперов // Российская юстиция. – 2003. – №3.

²⁵ Имеется в виду Постановление Конституционного Суда РФ №5-П от 11.05.2005 г. «По делу о проверке конституционности ст. 405 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами уполномоченного по правам человека, производственно-технического кооператива «Содействие», общества с ограниченной ответственностью «Карелия» и ряда граждан» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2005. – №4.

²⁶ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 16 мая 2007 года №6-П «По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 УПК РФ в связи с запросом президиума Курганского областного суда» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2007. – №3.

²⁷ См.: Постановление Верховного Суда РФ от 5 декабря 2006 года «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2007. – №2, февраль.

Учебное издание

Лазарева Валентина Александровна

ПРОКУРОР В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Учебное пособие

Редактор Т.А. Мурзинова

Компьютерная верстка, макет Т.В. Кондратьевой

Подписано в печать 26.06.08. Формат 60х84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл.-печ. л. 4,42. Гарнитура Times.

Тираж 600 экз. Заказ № 1534

Издательство «Самарский университет», 443011, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

Тел. 8 (846) 334-54-23

Отпечатано на УОП СамГУ